

# ОКТАВ ПАНКУ-ЯШЬ



## РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

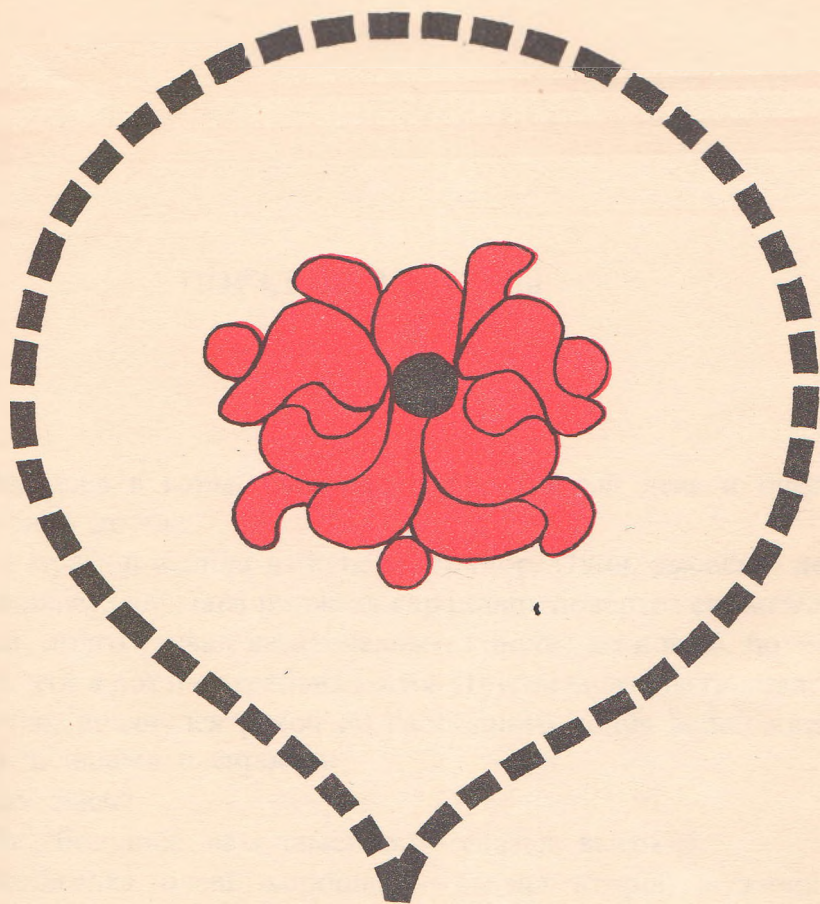
ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОБЛОЖКА: ТИБЕРИУ НИКОРЕСКУ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЙОНА КРЯНГЭ



ОКТАВ ПАНКУ-ЯШЬ



Перевел М. ОЛСУФЬЕВ

---

**РАССКАЗЫ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ**

## ПОЕЗД ШЕЛ В ГОРЫ

Поезд шел в горы. Он ходил туда каждый день и очень хорошо знал дорогу.

Двое мужчин вышли из купе в коридор. Один, высокий, достал из верхнего кармана пиджака карандаш, повертел его между пальцами, долго стучал незаточенным концом по ногтю, потом сунул его себе в рот и потребовал огня. Другой мужчина поднялся на цыпочки, дотянулся рукой до свободного конца карандаша, щелкнул пальцами и спросил:

— Зажглась?

— Да, большое вам спасибо, — сказал высокий.

— Зажигалка очень хорошая, — сказал второй мужчина.

— Иностранной марки?

— Что значит «иностранной»?

— Да я подумал, может вы купили ее в Попугалии или Гиппопотамии.

— Мне ее подарили. А откуда она, я не знаю.

Высокий с наслаждением курил, затягиваясь. При этом он выпячивал губы и выпускал дым понемножку.

— Кольца пускаете? — спросил маленький мужчина.

— Ага.



— Сколько?

— Попробую пустить сотню, а если выдам кое-что сверх нормы, не обижусь, — ответил высокий.

— Вы всегда выдаете сверх нормы, — сказал второй, не думая о кольцах.

— Верно, — подтвердил высокий, тоже не думая о кольцах.

Потом они открыли окно. Но высокий предварительно удостоверился, что не будет сквозняка, и, открыв окно, даже сказал:

— Нет. Не сквозит. Тока нету.

Услышав это, второй удивился:

— Почему два разных тока называются одинаково?

Кто-нибудь другой, может, не понял бы вопроса и потребовал бы объяснений, но высокий мужчина понимал все с полуслова и никогда объяснений не требовал.

— Фактически, — сказал он, — токов не два, а больше. Токи бывают разные. Один производит ветер — это сквозняк; другой воду — называется течением; третий — электричество.

— То же самое с журавлями, — понял маленький. — Одни живут на болоте, другие на колодцах.

Несколько минут оба молчали, глядя в окно. Поезд шел в горы. Гор еще не было видно, но оба знали, что поезд каждый день ходит в горы, а потому доставит их туда и теперь.

По коридору, за их спиной, прошел старик в белой шапочке, в белом фартуке и с белыми усами, звеня колокольчиком:

Маленький поинтересовался:

— Зачем он звенит колокольчиком?

— Зовет нас в вагон-ресторан. Обед, значит, готов.

— Я не голоден!

— Да мы туда и не пойдем.

— А они не обидятся?

— Возможно. Но ничего, пройдет. Скажем, что у нас есть бутерброды с летом и ветром, и когда мы проголодаемся, закусим ими.

— У нас есть еще пирожки с клубникой.

— Это уж мы от них скроем, — сказал высокий. — Не выдавать же им, в самом деле, всех наших секретов. Пускай довольствуются малым.

— Да, так я думаю, будет лучше. Хотите будем считать столбы?

— Хочу. Мне всегда нравилось считать столбы. Телеграфные столбы очень смирные и с удовольствием дают себя считать, — сказал высокий.

— Тогда начинаю я, — сказал маленький мужчина. — Один...

— Два...

— Три...

— Пять...

— Извините, пожалуйста, но вы забыли четвертый столб, — сказал высокий.

— Нет, не забыл, — ответил маленький. — Сейчас скажу: четыре...

— Пять...

— Пять я уже говорил, — запротестовал маленький. — Назовите, если знаете, другое число.

— Я много чего знаю. Например: шесть...

— Тысяча четыреста семьдесят одно яблоко... одна галоша... и перо!

— Я вас очень уважаю, — сказал высокий, — но разрешите довести до вашего сведения, что такого числа не существует.

— Я придумал его для смеху!

Оба рассмеялись.

Поезд остановился на небольшой станции. Может, даже не на станции, а на полустанке. Справа был цветник, а посреди цветника — колодец.

— Какая в колодце глубина? — спросил маленький.

— Понятия не имею, — ответил высокий.

— А что если бы кто-нибудь вырыл такой глубокий колодец, что никто не достал бы дна?



Высокий мужчина собрался было отвечать, но это оказалось ненужным.

— Это было бы глупостью, — ответил сам себе маленький. — Лучше было бы взяться за что-нибудь другое.

— За что именно?

— Не знаю. Например, делать, как вы, тракторы. Между прочим, я тоже хочу делать тракторы. Только у меня они будут голубыми. И поменьше размером.

Потом, показав пальцем на клумбу, маленький мужчина поинтересовался:

— Что написано там цветами?

— «МИР».

— Это пишут повсюду.

— Конечно. Таков уж этот мир. Он нужен везде.

— И нам с вами он тоже нужен?

— Особенно нам с вами, — сказал высокий.

— Тогда давай и мы напишем это слово у нас в саду. Напишу я, если ты меня научишь как это сделать, — сказал маленький, не заметив, что вместо прежнего «вы», обратился к высокому на «ты». Не заметил этого и высокий.

— Обязательно напишу, если ты мне покажешь. Буквы «И» и «Н» я уже знаю.

— «Н» ни к чему.

— Как знать, может понадобится, — сказал маленький. — Может, пригодится где-нибудь и «Н».

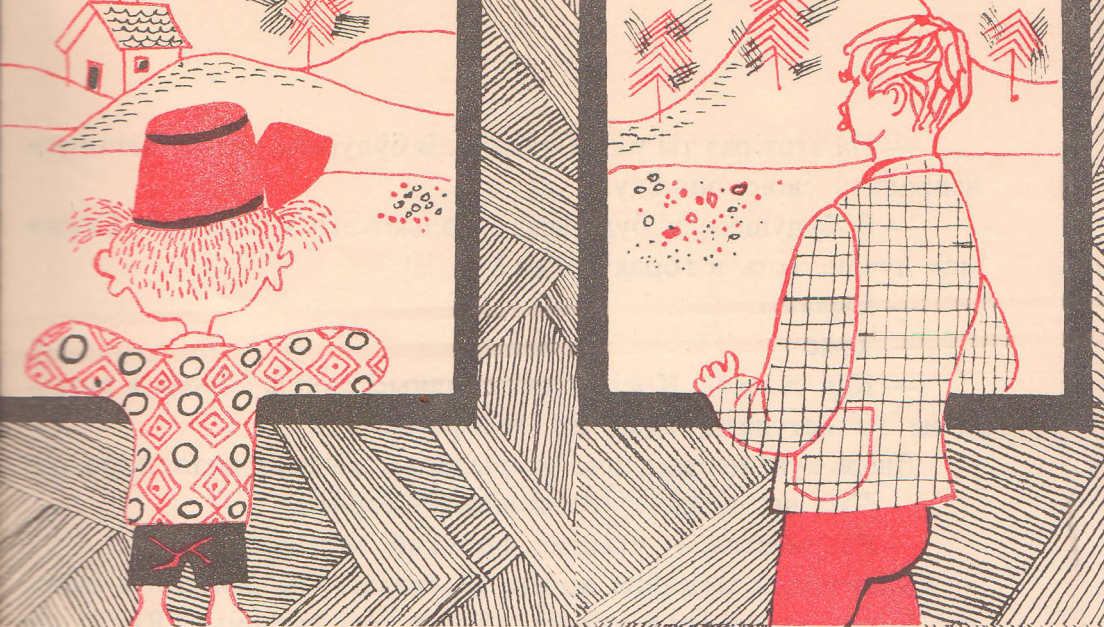
Паровоз дал короткий гудок, и поезд тронулся, продолжая свой путь к горам. Маленький мужчина повернулся и прильнул носом к застекленной двери купе:

— Она нас обманула, — сказал он. — Ты велел ей спать, а она читает.

Заглянул в купе и высокий:

— А мы с тобой разве ее не обманули?

— Как?



— Она думала, что я вышел покурить, а я пересилил себя и не курил.

— Верно, — сказал маленький. — Мы разговаривали. Я тебя очень люблю.

— Ты публично объясняешься мне в любви? — расхохотался высокий.

— Нас никто не слышит. Если бы кто-нибудь мог нас услышать, я бы этого не сказал.

— Почему?

Маленький прикинулся, будто не расслышал, и, изобразив из кулака бинокль, уставился вдаль. Там виднелись горы.

— Есть в горах дома? — спросил он.

— В горах есть турбазы, — сказал высокий.

— Они похожи на дома?

— Дома и есть, только называются турбазами.

— Как глупо! Если дома, они так и должны называться домами.



— На этот раз ты уж их извини. В будущем они попытаются исправить свою ошибку.

— В будущем, в будущем... только это и слышу! Скажи мне лучше, есть в горах волки?

— Бывают.

— Злые?

— Как сказать. Когда они голодные, лучше с ними в разговоры не вступать, даже по телефону.

Дверь купе неожиданно открылась и женский голос спросил:

— Что вы делаете, товарищи? Ссоритесь?

— Разумеется, — ответил высокий мужчина.

Маленький мужчина ничего не сказал. Он смотрел в окно, как бегут телеграфные столбы. Какие они смешные! Когда он их считал, после третьего всегда почему-то шел пятый, а после восьмого — двести семьдесят шестой! Зато, когда их считал папа, счет получался правильный. Но это ничего не меняло. Мужчины держались вместе и чувствовали себя хорошо оттого, что они вместе. Поезд шел в горы и должен был вскоре туда прибыть.

## СВОЕГО РОДА ВОСТОРГ

Следует с самого начала оговориться, что рассказ этот не для рыбаков, а потому, даже если им нечего делать, рыбакам лучше его не читать. Потом, пусть всем будет известно, что рассказ этот, собственно говоря, совсем не то, что обычно называется рассказом, а своего рода... как бы вам сказать? Допустим, что мы собрались в понедельник в гараже нашего многоэтажного дома, то есть там, где стоят детские коляски, и что появляется Виолета в одном из миллиона своих платьев, с новым зонтиком и своими часиками. Хотя никто ни о чем ее не спрашивает, она, раз десять взглянув на часики, подносит их к уху, трясет, чтобы мы видели, что у нее настоящие часы, и говорит: «Знаете, где я вчера была на папиной машине?» Мы, конечно, не спрашиваем где, но Виолета все равно принимается хвастать, что была в Брашове и так наелась мороженого, что у нее отскочили на платье застежки. Нам наплевать на ее застежки — пускай себе отскакивают, — но нам не хочется, чтоб она решила, будто мы жалуем, что тоже там не были и что у нас тоже не отскочили застежки. В общем, и мы принимаемся рассказывать о наших воскресных похождениях. Теперь, думаю, вам понятно, какой это рассказ. Фактически, это даже не рассказ, а просто так,



своего рода восторг от того, что у нас получается интереснее, чем у Виолеты.

Прежде всего мы, услышав о брашовском мороженом, делаем гримасу — удивляемся, как это именно Виолета, у которой есть зонтик и часы, не знает, что мороженое в Брашове делается на рыбьем жире.

— Неправда! — возмущается Виолета, — мороженое было сливочное и шоколадное.

— Ты понятия не имеешь, — говорим мы. — Может, туда положили немного гуталина, чтобы перебить вкус рыбьего жира.

— Вам просто завидно, что вы не ели мороженого, — говорит Виолета.

— Это же смешно! — отвечаем мы. — Как нам может быть завидно, что мы не ели мороженого, о котором еще сегодня утром говорили по радио, что его ни под каким видом нельзя давать детям?

— А со мной ничего не случилось, — говорит Виолета. — Я чувствую себя как нельзя лучше.

— Смешно! — говорим мы. — Ты совсем желтая, бледная, посмотри на себя в зеркало, поставь градусник и увидишь, что у тебя жар в тысячу с лишним градусов.

— Неправда! — возмущается Виолета. — Просто вам завидно, я знаю!

— Смешно! — говорим мы. — Как нам может быть завидно, когда мы вчера так замечательно провели время.

Теперь, Виолета, держись!

— Да, мы вчера были на рыбалке.

— Ушли из дома еще затемно.

— Все еще спали, одни мы шли на рыбалку. Даже автобусы еще не встали.

— Нам дали три удочки.

— Да еще какие!

— Особые!

— У моей на конце были часики. Они показывали рыбам точное время, когда нужно кормиться.

— А у меня на конце удочки был парходик. Рыбы забирались на него, думали — для прогулки, но стоило им занять места на скамейках, как я дерг! И вытаскиваю их на берег: «Без билета нельзя! Пожалуйста в банку!»

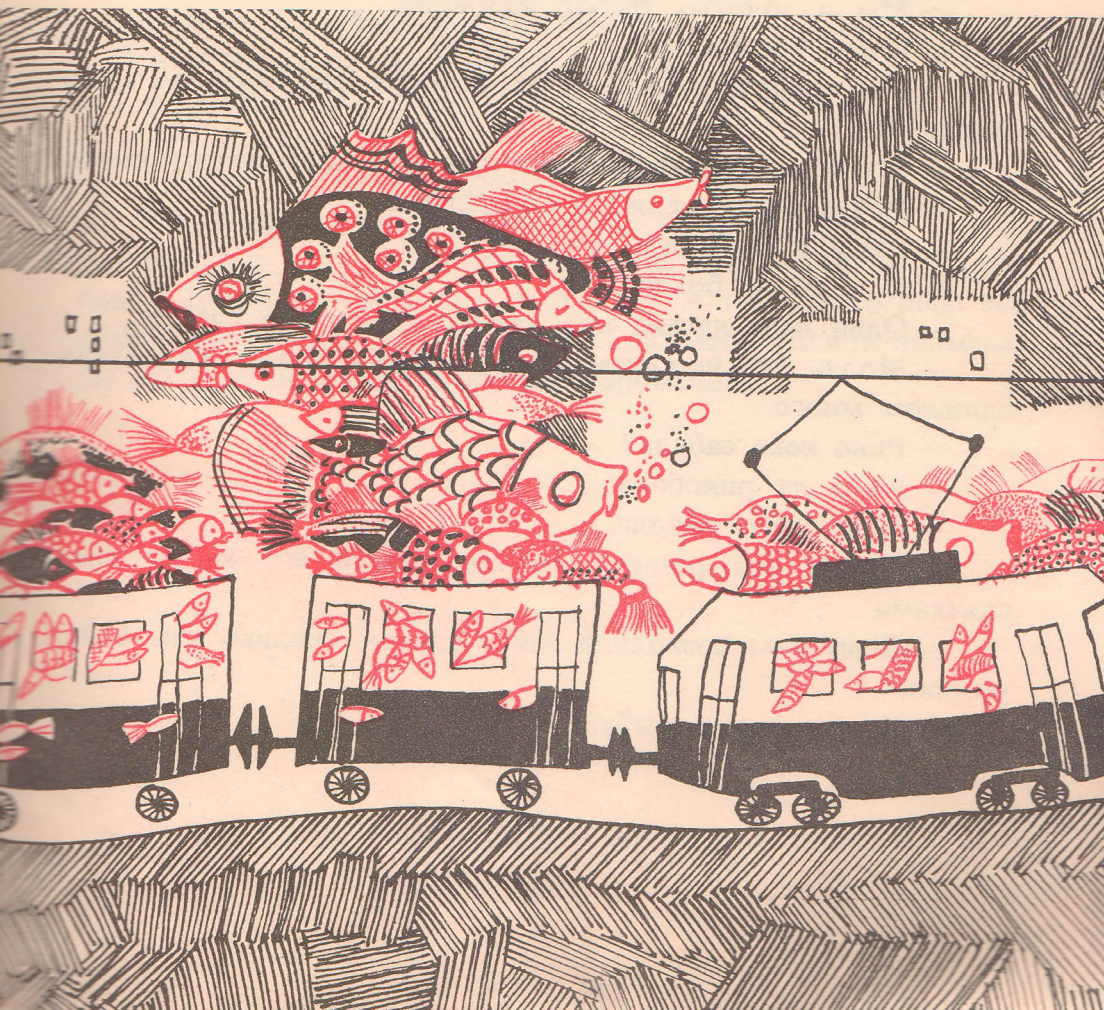
— А у моей на конце было такое, о чем я даже не имею права говорить. Нечто с... нет, нельзя! Я и так проболтался.

— Ну и наловили же мы рыбы!

— Полный трамвай.

— С двумя прицепами.

— Когда мы влезли, кроме нас и рыбы ни для кого больше не оставалось места. Кондукторша...





— Неважно про кондукторшу. Давайте расскажем лучше как было дело с китом.

— До кита было еще много чего.

— Ничего не значит, расскажу теперь. Так вот: кит был не меньше нашего многоэтажного дома, даже с балконами и черным ходом, только под лестницей у него были не детские коляски, как у нас, а лодки.

— Кит позволил нам кататься на лодках.

— Мы отправились на остров.

— Жаль, что всего нельзя рассказывать. Мы и так уже слишком много сказали.

— Нет, про это можно было сказать, только на другом языке. Чтобы никто не понял. Барабим тира сала колим.

— Мара вара дун.

— Заси доро бирулин.

— Мы и золотых рыбок наловили.

— Очень миленьких.

— Мы подружились с одной, которая нам сказала... сами знаете что.

— Знаем, но сказать не имеем права. Даже на другом языке.

— Потом мы разделись и искупались.

— Раков я не боялся.

— Я тоже не боялся.

— Один дядя научил нас, как их ловить. На хлеб с...

— Молчи. Мы не имеем права говорить. И так уже сказали слишком много.

— Рино коко сабала?

— Коко да ринобала.

— Коко моко ринола.

— Потом мы развели костер, зажгли его настоящими спичками.

— Дома нам позволили взять спички, сколько нам было угодно.

— Чтобы жарить рыбу.

— Мы жарили ее, пока она не начинала шипеть.

— Когда ешь рыбу, разговаривать нельзя.

— Да мы и не разговаривали.

— Ели с закрытым ртом.

— А после обеда были в кино.

— Там есть кино для рыб. Но показывают фильмы не только с земляными червями.

— Разные показывают фильмы. С дуэлями, со стрельбой.

— Бах, бах, бах!

— Дррр — бум!

— Защитная позиция, ангард!

— В общем, мы видели целый десяток фильмов.

— Бесплатно.

— Сидели в первом ряду.

— И ели конфеты с начинкой из...

— Молчи!

— Чуть не забыл: нельзя говорить!

— И так уж слишком много сказали.

— Вали сума?

— Сума гума.

— Гума думатабамбума!

И так далее и тому подобное все в том же духе.

Поэтому я и предупреждал вас, что мой рассказ не для рыбаков. Да фактически это и не рассказ. А так, своего рода всеобщий восторг. Не знаю, поймете ли вы меня. Но я не променял бы его даже на миллион порций мороженого.



## МИР ДУКУ

Иногда ему позволяли не спать после обеда.

Да, бывало и такое чудо.

Разумеется, прежде всего нужно было обещать, что выйдя из дому, он не станет шуметь, не набьет себе карманов всякой дрянью и не будет прибегать сто раз пить воду.

Словом, Дуку должен был обещать, что он будет паинькой — самым смирным ребенком на свете.

— Обещаю, — сказал Дуку в один из тех редких дней, когда произошло это чудо.

И выбежал на двор.

На дворе стояла жара, потому что дело было в июле. Весь многоэтажный дом спал; спали и все другие многоэтажные дома; аптека была закрыта, булочная тоже и на улице не было ни души.

Среди этой жары и тишины был только он, Дуку.

Дуку присел на ступеньку лестницы и невольно вскрикнул «Ой!» — такая она была горячая. Потом мимо его ноги пробежал муравей, и Дуку спросил у него, куда он направляется, почему так торопится и не зовут ли его Робертом.

Муравей ничего не ответил, не сказал ни куда он направляется, ни почему так торопится. Он просто скрылся в трещине цемента.

Это убедило Дуку, что муравья зовут не Робертом.

Роберт умел говорить и вечно торопился попасть на мельницу, но так как мельница стояла на другом берегу реки, он всегда просил кого-нибудь переправить его на ту сторону. Однако то и дело случалось, что первый, к кому он обращался с этой просьбой, не желал ему помочь или даже наступал ему на лапку; второй притворялся, что не слышит, и шел своей дорогой. И только третий оказывался порядочным человеком: перевязывал муравью лапку, брал его на ладонь и относил на мельницу. Теперь Дуку хотелось быть таким порядочным человеком — все равно он сидел без дела на лестнице, — но муравей исчез. Значит, решил Дуку, это не Роберт, а другой муравей.

Потом Дуку захотелось пить и он подумал, что неплохо было бы иметь забинтованный палец. С забинтованным пальцем можно пить воду сколько угодно и даже рассчитывать на варенье. Для этого стоило позвонить на первом этаже к тете Иляне. «Добрый день!» — «Добрый день». «Хотите видеть забинтованный палец?» «Заходи, а что же случилось, как было дело?» «Ушибся». «Садись, покушай вишневого варенья, запей водой». «Спасибо, меня и правда жажда замучила; с тех пор как у меня забинтованный палец, все время хочется пить...» В общем, жить с забинтованным пальцем очень весело.

Если бы аптека была открыта, было бы еще лучше. Может, Дуку позволили бы полить цветы в витрине или он вдоволь нахохотался бы, глядя на аптекаря, который умеет разговаривать с закрытым ртом, шевелить ушами, глотать склянку и доставать ее из-под мышки.

Дуку поднялся и сладко зевнул, не прикрыв рта рукой, потому что его никто не видел.

Тут-то ему и пришла в голову мысль проверить, далеко ли можно пройти с закрытыми глазами.

С закрытыми глазами он дошел до угла своего многоэтажного дома.

Оттуда он свернул вправо и дошел до другого угла.



Дуку двинулся дальше, но уже с открытыми глазами.

Заблудиться он не боялся: хорошо знал все дома и углы.

Дошел до голубого многоэтажного дома, где жила девочка, у которой была коляска, а в коляске — безволосая кукла. Там же жили шофер и бабушка, которая торговала квасом и у которой во рту был только один зуб, и докторша, которая делала уколы и играла на фортепьяно.

За голубым домом был сквер, через который Дуку пробежал, пыхтя и свистя, как паровоз.

Так он добрался до второго голубого дома, где жил один генерал или, может быть, не генерал, а просто офицер, но сапоги у него скрипели, как у генерала.

Дальше было уже два многоэтажных дома — один желтый, другой зеленый. В желтом жило двое мальчиков-близнецов, и, чтобы отличить их друг от друга, одного мама причесывала как девочку. В зеленом доме жил дядя Илие, у которого был аквариум с рыбками.

Дуку решил пройти мимо зеленого дома.

Шел он очень медленно, даже остановился ненадолго и несколько раз кашлянул, но дядя Илие его не увидел и не позвал посмотреть на рыбок.

Значит, опять можно было выбирать направление: можно пойти направо или налево.

Многоэтажные дома были и тут и там.

Дуку свернул направо, потому что в стоявших здесь домах у него было больше знакомых.

Здесь жил, между прочим, один мальчик, у которого был настоящий футбольный мяч, и еще жил дядя Александру, с которым папа играл в шашки и пил пиво, и девочка, которая ела бутерброды с повидлом, сперва слизывая повидло.

За домом, где они жили, начинался рынок, то есть нечто, называвшееся рынком, хотя там ничего не продавалось. Ни яиц, ни огурцов. ни редиски, ничего.



Дуку пересек эту площадь, прыгая на одной ноге, и оказался против многоэтажного дома, который назывался «Подкова» и действительно выглядел, как большая подкова.

Здесь у него тоже были разные знакомства.

Знал он одного усатого дядю, который был артистом и постоянно выступал в телевидении — шутил и пел. Папа, когда видел его на экране, говорил: «Опять этот появился» и принимался за чтение газеты. Потом Дуку знал там одного инженера, с которым познакомился, когда они были в горах, и инженер этот почему-то решил, что папа тоже инженер и угощал его сигаретами, говоря, что встреча с ним доставила ему большое удовольствие. Но папа сказал ему, что он всего только мастер, инженер засмеялся и сказал, что не верит. Даже галстук на папе, — говорил он, — инженерский. Тогда папа снял галстук и отдал инженеру, но тот не захотел его принять, хотя папа и сказал ему, что у него есть еще десять таких же галстуков. В том же многоэтажном доме «Подкова» жил мальчик, у которого были альбомы с марками всех стран света, и марки эти были с бабочками, разными цветами и пароходами.



Дуку двинулся дальше, думая о пароходах и морях. Он видел себя на палубе парохода с приставленным к глазам биноклем, он глядел на море, по которому ходят большие, как горы, волны, и шел с закрытыми глазами, чтобы лучше видеть эти зеленые волны.

Открыв глаза, он испугался.

Перед ним не было ни одного многоэтажного дома. Не было ничего — пустое поле с кочками и бурьяном.

Здесь он уже ничего не знал.

Здесь уж не жил никто.

Здесь не было никаких знакомых.

Дуку почувствовал, что у него, словно, что-то болит.

Ему захотелось плакать.

Но боль, которую он почувствовал, длилась очень недолго.

Он не успел даже повернуться и побежать.

Вдалеке, на краю поля с кочками и бурьяном он увидел подъемный кран.

Стрела крана двигалась и сверкала под белесым небом — звала его, Дуку, приглашала к себе, словно говоря, чтоб он не боялся, потому что там — тоже будет его мир.

И Дуку пошел.

Дуку не испытывал больше никакого страха, мир казался ему все более широким и он даже пустился бегом, чтобы кто-нибудь его не опередил.

## МУЖЧИНЫ, ЗАЙЦЫ И АСПИРИН

— Добрый вечер, дорогие телезрители, — улыбаясь говорит известная вам по телевизору тетя: знаете, та самая, которая... В общем, не мне вам объяснять.

— Добрый вечер, — отвечает ей папа.

— Сегодня в нашей программе...

— На нас, пожалуйста, не рассчитывайте, — говорит папа. — Сегодня у нас очень мало времени для вашей программы. Мы кашляем и чихаем. Мы, если вам интересно, простужены и должны пить чай и принимать аспирин. Через четверть часа, когда будет готов чай, мы перейдем в другую комнату, ляжем в кровать и укроемся двумя одеялами. Но вы, разумеется, занимайтесь своим делом, не обращайтесь на нас внимания.

— Вас, конечно, интересует погода...

— Вообще-то, да, интересует, — говорит папа. — Сегодня, однако, мы сидим дома.

— В горах выпал снег...

— Приятное известие, — говорит папа. — В Предяле у меня есть приятель — знаете, тот самый усатый милиционер на вокзальной площади, который, когда идет густой снег, становится похож на снежную бабу. Выдает его только нос, потому что,

когда он стоит на своем посту, у него, обычно собственный нос, а не морковка, как у снежных баб.

— Дунай замерз...

— Это, дорогая дикторша, мне не очень-то нравится, — говорит папа. — В Дунае живет множество рыб и рыбешек, у которых нет ни зимнего пальто, ни валенок.

— Самая низкая температура отмечена в Пьятра-Нямце...

— Смотрите, пожалуйста, — говорит папа. — Это очень интересно. В Пьятра-Нямце отмечено, стало быть, такое явление. Но, вероятно, все же на улице. А в хлебопекарне, верно, жара, как среди лета.

— На черноморском побережье скорость ветра достигла ста с лишним метров в час...

— И куда это он торопится, — говорит папа. — Куда несется? По каким таким неотложным делам? В общем, это нас не касается, не имеет смысла вмешиваться. Однако, хорошо зная этот ветер, я убежден, что по сигналу стоп и на опасных поворотах он убавляет скорость.

— Мы передали сводку погоды.

— Стойте, стойте, — говорит папа. — Вы сообщали о Пьятра-Нямце, о черноморском побережье, но ни словом не обмолвились о Васлуе. Там живет дедушка и когда на дворе слишком холодно, у него болят колени. Мы послали ему электрическую подушку, чтоб он клал ее на колени и грелся, но он даже не желает на нее смотреть. Как вам нравится такой непослушный дедушка?!

— Передаем «Телехронику»...

— Напрасно пытаетесь перевести разговор, — говорит папа, — насчет дедушки мы это так не оставим. Сегодня же напишем ему письмо. Однако, кажется, свистит чайник. К превеликому сожалению, приходится с вами расстаться. До завтра, дорогой товарищ диктор!

С этими словами папа протягивает руку, чтобы выключить телевизор.



— Оставь еще немножко, папочка, — просит мальчик.

— Судно «Галац» вернулось из долгого океанского плавания, — говорит телевизор.

— Прошу не разговаривать одновременно, вы сбиваете меня с толку, — говорит папа.

— Еще немножко, папочка.

— Плавание прошло в прекрасных условиях, экипаж здоров.

— Ничего не понимаю, — возмущается папа, — вы говорите одновременно и я ничего не понимаю.

Папа окончательно выключает телевизор.

— Что ты говорил? — спрашивает он мальчика.

— Чтобы ты погодил выключать телевизор. Я еще не хочу ложиться.

Кто-то звонит. Папа идет открывать. Девочка, которую зовут Симоной, здоровается, наклоняя голову в шапочке с помпоном.

— Добрый вечер, Мария, — отвечает папа.

— Мария это моя сестра, — смеется девочка.

— Вот как? — удивляется папа. — Прости, я принял тебя за сестру. Чем могу служить?

— Сегодня по телевизору Ашкиуца. Можно мне тоже посмотреть?

— Конечно, — соглашается папа. — Милости просим! Нас, однако, ты извини, мы не можем составить тебе компанию. Мы простужены и у обоих, кажется, насморк. Мы сейчас укладываемся, выпьем в кровати чая и примем аспирин.

— Можно мне еще немножко остаться? — говорит мальчик.

— Теперь, даже если бы я хотел, нельзя.

— Почему?

— Потому что пришла Мария.

— Мария — моя сестра, — смеется девочка.

— Вечно путаю, — говорит папа. — Ты уж меня извини, но теперь это не имеет значения. Приди не ты, а сестра, это все равно ничего не изменило бы. Кто бы из детей ни пришел —

все едино.

— Почему? — удивляется Симона.

Но папа занят. Отвечать ему некогда. Он берет мальчика за руку, отводит его в соседнюю комнату, укладывает, накрывает одеялом, потом идет включить телевизор и принести из кухни чай. Он приносит его в белой чашке с карликами и клевером.

Из комнаты с телевизором доносится голос Ашкиуцы:

— Как живете, дети? Здоровы? Настроение бодрое?

Мальчик молчит.

— Что ж ты не отвечаешь? — спрашивает папа. — Скажи ему, что ты чихаешь и что у тебя немного болит горло, но пускай он не беспокоится, потому что все это пройдет и завтра — послезавтра ты снова выйдешь на улицу играть.

— Не могу. Мне плакать хочется. Если бы не эта Симона, ты бы позволил мне еще немножко посидеть у телевизора. Верно, позволил бы?

— Хочешь, чтоб у нас с тобой был настоящий, мужской разговор или заячий? Разница в том, что мужчины не врут.

— Тогда мужской!

— Порядок, — говорит папа. — Так знай же, что я действительно позволил бы. Пожалел бы, что ты не увидишь Ашкиуцу, а теперь нельзя. Что будет, если девочка заразится от тебя насморком?

Мальчик колотит кулаками подушку:

— Зачем она пришла? Зачем пришла как раз теперь? Зачем?

— Может быть, ты не так ставишь вопрос. Может быть, ты хочешь спросить: зачем я ее пустил?

— Нет!

— Твое «нет» было сказано в порядке мужского разговора или заячьего? Впрочем, оставим это. Ответишь позже. А пока что принимай аспирин.

Мальчик глотает таблетку и гримасничает:

— Почему аспирин такой горький?

— Будь уверен, что я сделал бы его послаще, — говорит



папа. — По-видимому, те, кто его делает не подумали о детях. Пей чай, а я пойду предложу Симоне бисквитов. Ты все еще на нее сердит?

— Да.

— В таком случае ты, может, хочешь, чтоб я дал ей аспирина?

Мальчик пьет мелкими глотками чай: глотнет, посмотрит на карлика и глотнет еще раз.

— Ладно, — говорит папа. — Дам ей аспирин.

Взяв коробку с таблетками, он уходит в другую комнату. Проходит несколько мгновений и мальчик слышит его голос:

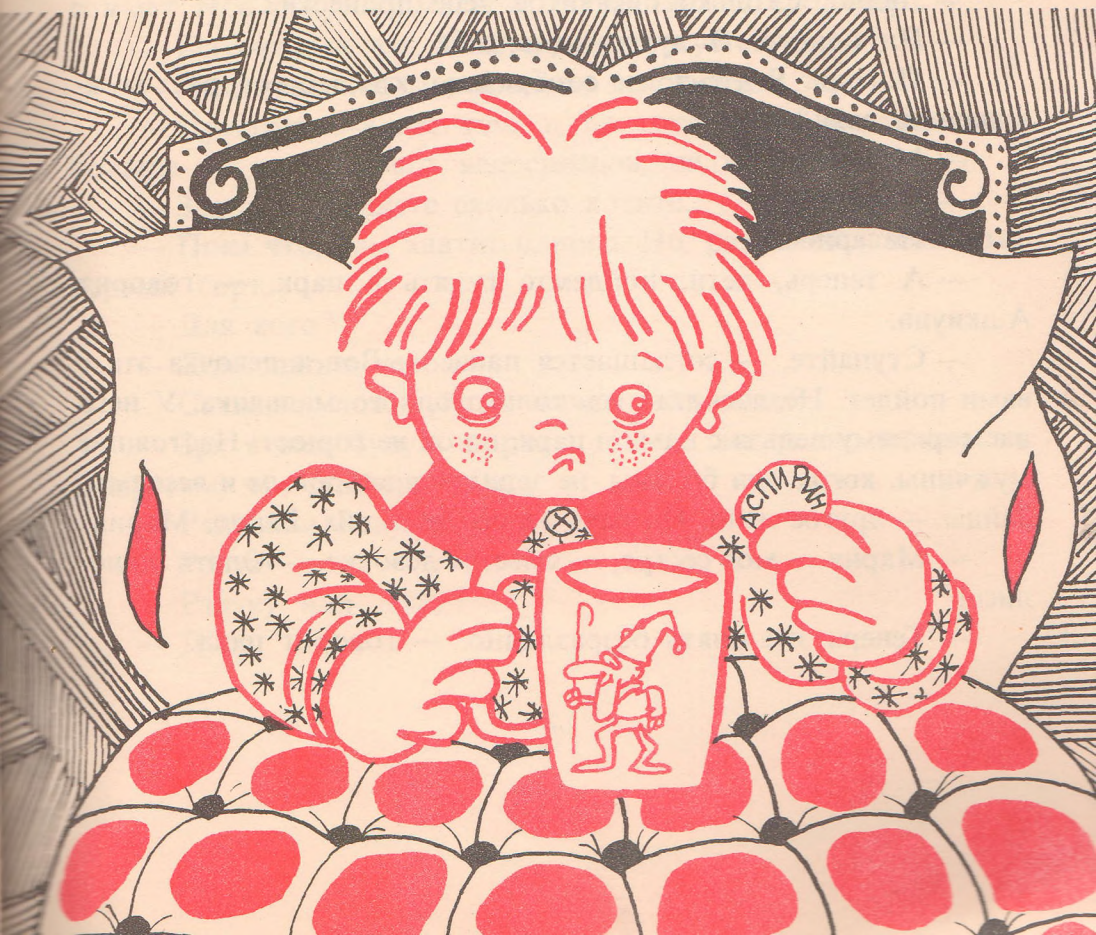
— Милая Симона...

— Теперь вы не ошиблись, — смеется девочка.

— Я ошибался, когда мне было безразлично, ты это или твоя сестренка.

— А теперь вдруг стало не безразлично? — смеется девочка.

— Именно. Вдруг стало не безразлично. Случилось нечто. Мне довольно трудно это объяснить, но ты меня, может быть,



поймешь. Знаешь, есть на свете люди, которые, когда плохо себя чувствуют, когда они больны или несчастны или то и другое вместе, завидуют тем, кто здоров и весел. Встречала ты таких людей?

— Нет.

— Я рад за тебя, но знай, что они существуют. Я думал, что их число убавляется, что их становится все меньше, но оказывается наоборот, их число растет. Даже сегодня, по-моему, прибавился еще один. Хочешь таблетку аспирина?

— Но я же здорова! — смеется девочка.

— Тогда я, пожалуй, выключу телевизор.

Девочка смотрит папе в глаза и молчит. Умолк и Ашкиуца. Слышно лишь, как тикают часы: тик-так, тик-так, тик-так.

— Папа, — кричит мальчик, — если ты ищешь бисквиты, они наверху, в буфете, их туда положила мама.

— Нет, я бисквитов не искал, — отвечает папа.

— Посмотри наверху, в буфете.

— Ладно. Сколько бисквитов тебе принести?

— Ни одного. Я думал не о себе.

— погоди. Я что-то не соображаю, кто это говорит: мужчина или заяц?

— Мужчина.

— Наверное?

— Наверное.

— А теперь, дети, пойдемте гулять в парк, — говорит Ашкиуца.

— Ступайте, — соглашается папа. — Вот и девочка эта с вами пойдет. Не досчитаетесь только одного мальчика. У него насморк, ему нельзя с вами в парк, но он не горюет. Настоящие мужчины, когда они больны, не завидуют здоровым и веселым. Зайцы — другое дело. Но речь теперь не о них. Верно, Мария?

— Мария — моя сестра, — смеется девочка. — Опять ошиблись!

— Теперь это опять безразлично, — говорит папа.



## ДАВАЙТЕ ВСЕГДА ДУМАТЬ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ

Хорошо думать о том дне, когда ты получишь новый велосипед: со звонком, насосом и всем, что полагается иметь новому велосипеду. Можно мечтать об этом каждый вечер, заходить с папой в каждый магазин, где продаются велосипеды, где папа сожмет тебе руку, подмигнет, потом скажет продавцу:

— Бегемотами вы, кажется, не торгуете?

— Нет, товарищ, мы продаем велосипеды.

— Прекрасно. У нас дома и без того довольно бегемотов, больше не надо. А вот велосипедов, ни одного.

— Здесь вы найдете сколько хотите.

— Пока что, нам хватит одного. Но, разумеется, чтоб был первый сорт.

— Для кого?

— Для одного человека.

— Скажите, пожалуйста, точно, для кого?

— Зря я вам буду говорить, вы его все равно не знаете. Допустим, что его зовут Раду.

— Раду или Рэдуку?

— Рэдуку.

— Рэдуку или Дуку?

— Дуку.

— В таком случае все ясно. Дам вам четверть или половину.

— Нет уж, будьте добры, дайте нам целый велосипед. На половине велосипеда, я видел, ездят только артисты в цирке, а на четверти, пожалуй, вообще никто ездить не может.

— Вы меня, дорогой товарищ, не поняли. Речь идет не о половине и не четверти велосипеда, а о велосипеде половина или одна четверть.

— А это разве не то же самое?

— Нет. Велосипеды бывают трех размеров: полномерные для взрослых, полномерные — для детей и четверть — тоже для детей, только поменьше.

— Очень интересно. Но это, чтоб вы знали, не везде так устроено. В кондитерской, например, пирожные для детей такие же большие, как для взрослых.

— Верно, но вы хотите купить велосипед, а не пирожные.

— Может, потом мы купим и пирожные. Нам очень нравятся те, которые называются «катаифами». Мы едим ложечкой, стараясь не запачкать рубашку взбитыми сливками.

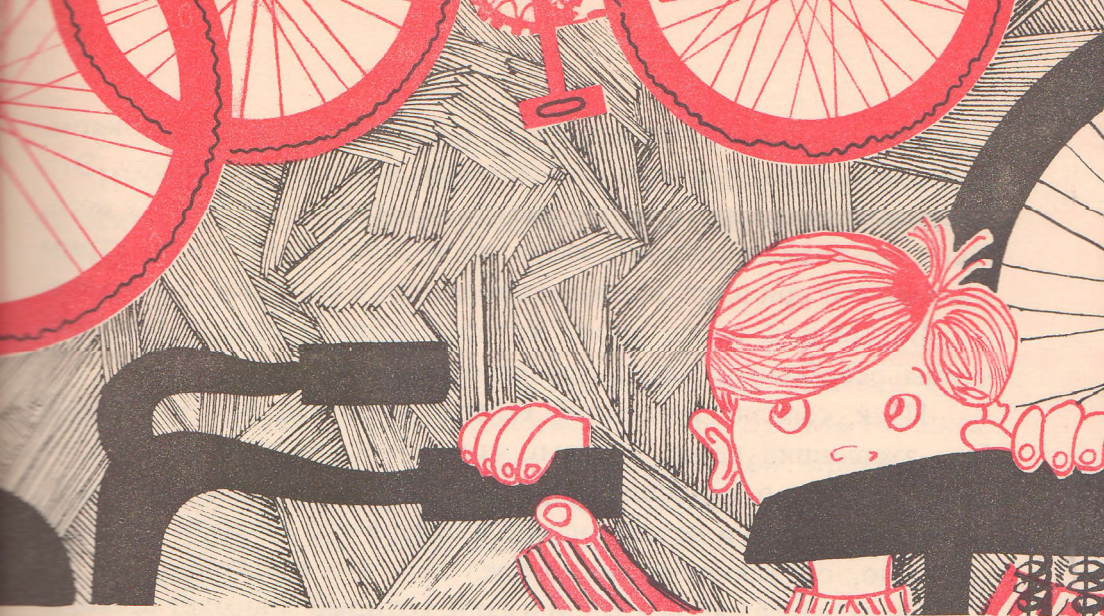
— Это совсем другой вопрос, и он не имеет никакого отношения к велосипедам.

— Не обижайтесь, пожалуйста, но мы лучше знаем, что к чему имеет отношение. А раз уж об этом зашла речь, да будет вам известно, что имеет отношение. Если сунуть палец в катаиф или, испачкать рубашку взбитыми сливками или, скажем, вымыть утром одни глаза, забыв про шею и уши, а то — еще хуже — насорить по всему дому бумажками, отправиться без разрешения на озеро или же, наконец, повалиться на пол и начать вопить, что тебе хочется невесты чего, тогда можешь быть уверен, что велосипеда ты не получишь, сколько ни дожидайся.

— Извините, пожалуйста, но все это меня не касается. Я продаю велосипеды кому угодно.

— Очень жаль. Продавать велосипеды кому попало не следует. Нам, однако, можете продать без колебаний. Без





насоса — нет, без звонка — нет, но без колебаний можете продать.

— Четверть?

— Четверть, если он так называется.

— Какого цвета?

— Скажем зеленого. Или серого. Который красивее!

— У нас есть и синие!

— Тогда дайте нам такой велосипед, чтоб он был немножко зеленым, немножко серым и немножко синим.

— Поищем.

Хорошо думать о том дне, когда ты получишь новый велосипед: со звонком, насосом и всем, что полагается иметь новому велосипеду. Можно мечтать об этом каждый вечер, заходить с папой в каждый магазин, где продаются велосипеды, где папа сожмет тебе руку и подмигнет, что означает: «Давай-ка немного пошутим. Велосипед от этого доставит нам еще больше удовольствия и покажется еще красивее».

Но это — последний вечер, когда мальчик лежит в темноте, в кровати, глядя как гаснут один за другим огни в окнах много-

этажного дома напротив и думает о новом велосипеде со звонком, насосом и всем, что полагается иметь новому велосипеду. Это последний вечер, потому что завтра велосипед уже будет у него. Папа уже ходил в магазин, заплатил за велосипед и завтра утром магазин его пришлет. Мальчик найдет его в передней, у вешалки.

В передней стоял ящик, который убрали оттуда нарочно, чтобы освободить место для велосипеда.

Итак, сегодня последний вечер... Впрочем, нет: последний был вчерашний вечер. Потому что сейчас, например, мальчик хочет думать о велосипеде, но ничего в голову не приходит.

Месяц назад и неделю назад, и даже вчера вечером все было так ясно, он так отчетливо видел все, что произойдет.

Он входит с папой в тот магазин, который занимает несколько этажей и где столько народу, что, как говорит мама, яблоку некуда упасть.

— Здравствуйте!

— Добрый день.

— Велосипеды есть?

— Есть всякие.

— Дайте нам кулек велосипедов.

— Велосипеды в кулках не продаются.

— А тянучки продаются же!

— Велосипеды одно, а тянучки другое, одно к другому не имеет никакого отношения.

— Не обижайтесь, пожалуйста, но мы лучше знаем, что к чему имеет отношение. Если, вместо того, чтобы есть тянучки с закрытым ртом, их то и дело вынимаешь и вытягиваешь или, если забежит девочка с первого этажа и попросит тянучку, а ты ей не дашь, тогда можешь быть уверен, что велосипеда ты не получишь, сколько ни дожидайся.

— Все это меня не касается. Я продаю велосипеды кому угодно.

— Очень жаль. Продавать велосипеды кому попало не следует. Нам, однако, можете продать без колебаний.



— Пожалуйста на склад и выбирайте.

Или же он входит с папой в тот магазин, где продают только велосипеды, мотоциклы и запасные части для велосипедов и мотоциклов.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Нам нужен велосипед для мальчика, который сам одевается и обувается, который помогает бабушке лущить горошек и ложится спать до окончания телевизионной программы, вместо того, чтобы канючить: «Я еще посижу. Мне спать не хочется». Есть у вас такой велосипед?

— Есть.

— И вас не интересует, какое отношение к велосипеду имеют обувание, одевание, горошек и телевизор?

— Нет, не интересует.

— Жаль. Вы бы узнали, что все это имеет к нему прямое отношение. Дайте нам зеленый велосипед с желтым насосом, красным седлом и звонком, наполовину золотым, а наполовину серебряным.

— Таких велосипедов не существует.

— Нас это не интересует. Пусть существуют!

Месяц назад, неделю назад и даже вчера вечером все было так весело. А сегодня вечером мальчику, как нарочно, ничего веселого в голову не приходит. Велосипед куплен. Даже если велосипеда еще нет, все равно он принадлежит ему, это его собственный велосипед.

Начиная с сегодняшнего дня нужно будет думать о чем-нибудь другом, и мальчику жаль. Хуже всего, что ему даже никому пожаловаться, что ему жаль. Никто не поверит. И в самом деле: купили тебе велосипед, настоящий ве-ло-си-пед, а тебе еще жаль?



## ГЕНЕРАЛ И НОЧЬ

Падая на землю, ночь ударилась о дома и деревья, но все обошлось благополучно. Она привыкла к таким падениям и не поцарапала себе ни носа, ни коленок.

Мальчик увидел ее в окно и подумал, что ночь похожа на циркового акробата. Упадет и встанет, как ни в чем не бывало.

Мальчик был дома один и занимался пуговицами — целой коробкой пуговиц. Первым делом он разложил на ковре самые маленькие пуговицы. Назвав их солдатами, он велел им стоять навытяжку. Среднего размера пуговицы он произвел в офицеры и поставил их перед солдатами. Один капитан почему-то не понравился ему. Мальчик, не долго думая, разжаловал его в младшие лейтенанты и заменил солдатом. Солдат, неожиданно ставший капитаном, правда не вышел ростом, однако, вполне заслужил такую честь, потому что был храбрецом, не имевшим себе равного в самом точном смысле слова: другая такая же пуговица затерялась.

Сам мальчик принял генеральский чин и как раз собирался произвести своему войску смотр и отдать последние приказы перед важным сражением.

Тут-то и упала на землю ночь. Он увидел ее в окно, подумал

о ее сходстве с цирковым акробатом и вернулся к своим солдатам. У него было достаточно хлопот с подготовкой боя, так что заниматься ночью ему было просто некогда.

Ночь, однако, сама окликнула его:

— Эй, мальчик!

Генерал нахмурился:

— Изволь взвешивать свои слова и обращаться ко мне товарищ генерал, а не *мальчик*!

Ночь нахально рассмеялась:

— Товарищ генерал?! Даже и не подумаю так тебя называть. Генералы храбрые. Они меня не боятся.

— Я тоже не боюсь, — сказал генерал. — Чего тебя бояться? Ты похожа на акробата из цирка. Падаешь и встаешь, как ни в чем не бывало. Вот и все.

— Эге, — снова засмеялась ночь. — Хорошо, если бы все.

— А что же еще?

— Спрашиваешь, чтобы себя подбодрить, — хихикнула ночь. — Будто сам не знаешь... Посмотри-ка на меня получше: *я* черная...

— Ну и что?

— Я страшная.

— Не нахожу. Почему же это?





— Ты один дома... Видишь, занавеска дрожит... раздувается... Может, кто-нибудь за ней прячется...

— Некому за ней прятаться, — сказал генерал. — Ее раздувает ветер. А ветер этот мне знакомый. Летом, в колонии, он сорвал с меня панамку, но далеко не унес, только пошутил.

— В колонии ты был не один, — сказала ночь. — А теперь скрытый мною, моей темнотой, кто угодно может залезть в окно.

— Глупости! — сказал генерал. — Мы живем на пятом этаже. К тому же, на улице милиционер.

— Ему нет до тебя дела.

— Неправда, есть. Его зовут дядя Фэникэ!

— А хотя бы и дядя Митикэ! У него довольно других забот.

— Ну и пускай. Но если я позову, он мне ответит.

— Позовешь, потому что боишься!

— Я сказал «если»: «если я позову»... Но ты же видишь, я его не зову. Знаешь что? Занимайся-ка ты своим делом, а меня оставь в покое!

— Так это и есть мое дело: пугать детей, — захохотала ночь.

— Нехорошее это дело, — покачал головой генерал. — Я бы им заниматься не стал. Гуталин, например, тоже черный, однако, ведет себя очень прилично. Всегда на своем месте, в жестянке, и никого не пугает.

— У гуталина нет никакой власти. Он маленький. Даже меньше черной кошки, уже не говоря о темном туннеле...

— Пожалуйста, насчет туннелей полегче. Я проехал в поезде через три туннеля и мне было очень весело. Как только становилось темно, я протягивал руку к столику, под окном и брал папину зажигалку. Когда становилось светло, я клал ее обратно, а в следующем туннеле брал опять... Туннели мне нравятся. Проезжать через них никогда не скучно.

— Туннель длится всего несколько мгновений, тогда как я, ночь... Эге!..

— Подумаешь! Больно я испугался твоего «эге»!

— Мальчик, мальчик, со мной не шути! — пригрозила ночь.



Генерал пожал плечами и вернулся к своим солдатам: пока ночь не научится называть его товарищем генералом а не *мальчиком*, разговаривать с ней ему не о чем.

Ночь еще много чего наговорила — всяких глупостей, — но генерал ей не отвечал, пускай себе болтает. Расставив солдат в боевом порядке и отправив разведчиков посмотреть, что делается в неприятельском лагере, он пригласил к себе офицеров и подробно объяснил каждому как, по его мнению, должен развернуться бой, назначенный на следующее утро, потом пожелал всем приятных сновидений, разделся, погасил свет и улегся лицом к стенке.

Прежде чем заснуть или, быть может, уже заснув, — это не имеет никакого значения, — он услышал голос, который позвал его:

— Товарищ генерал!..

Голос был очень похож на папин, но генерал не открыл глаз, чтобы в этом убедиться. Ему нравилось думать, что его позвала ночь. И то сказать: пора бы ей научиться, как обращаться к генералу. Да, да, пора!

## ТИШИНА, ЗВЕЗДЫ СПЯТ

Первым проснулся Орлиный Глаз. Проснулся в тот момент, когда услышал, как в замке повернулся ключ, и кинулся к двери. В комнату вошел, посвистывая, мужчина и не перестал свистеть даже тогда, когда Орлиный Глаз бросился к нему. Он легонько отстранил его и, продолжая свистеть, снял пальто, повесил его в узкой, темной передней на вешалку, потом прошел на кухню, где горел свет и пахло свежеподжаренным хлебом. Потом проснулся и Соколиное Перо. Было рано — никак не больше десяти или двадцати минут седьмого, так что еще даже по-настоящему не рассвело. В окно было видно, как над соседним многоэтажным домом все еще горела реклама турецкого кофе с громадной зеленой чашкой и поднимавшимся из нее громадным голубым паром. Соколиное Перо зевнул, и световая реклама поэтому погасла. Он зевнул еще раз, чтоб она снова зажглась, но она уже больше не зажигалась. Это доказывало, что только первый зевок имел смысл, а второй был потрачен зря. Соколиное Перо подошел к окну, прильнул носом к холодному стеклу и увидел на сизом небе звезду. Потом посмотрел хорошенько и увидел еще другие звезды. Он снова зевнул, чтобы звезды тоже погасли, но они не погасли, зато когда он зевнул еще раз, чтоб они про-



должали гореть, звезды послушались. Только теперь он сообразил что свист, услышанный им еще в кровати, доносился из кухни или, вернее, только теперь осознал, что услышанный им звук был хорошо известным ему свистом. Он побежал на кухню, и при виде его мужчина сразу перестал свистеть, поднял его в воздух и расцеловал. Орлиный Глаз рычал под столом. Неизвестно, что было у него в голове: может, он тоже рассчитывал на объятие, потому что каждый волен воображать, что ему угодно, даже если речь идет о несчастном косоглазом щенке со смешным обрубком хвоста. Никто, однако, не похвалит его за то, что он рычит, потому что все происходило, на самом деле, иначе, чем рисовалось в его щенячьей голове.

— Ну и глуп же ты, что рычишь, — сказал ему Соколиное Перо.

— Может не глупый, а только глупенький, — сказал мужчина. — Он еще совсем маленький, ему больше подходит слово глупенький.

Соколиное Перо достал что-то из кармана пижамы и спросил:

— Знаешь, что это такое?

— Нет, — сказал мужчина, — мне неоткуда знать. Я прямо с завода, ни с кем не встречался, знаю только, что вчера вечером, когда я уходил, кто-то капризничал и не хотел есть манную кашу.

— Бутылочка, — сказал Соколиное Перо. — Можно налить в нее воды? Мама сказала, что можно, но только когда придеешь ты. Потому что, сказала она, ты не дашь мне забрызгать всю квартиру.

— Да, действительно, — подтвердил мужчина. — Я вряд ли позволю тебе забрызгать водой всю квартиру. Однако, если ты будешь наливать аккуратно, над раковиной, я готов согласиться.

— Я положу в бутылочку фасолину! — решил Соколиное Перо.

— Великолепная идея, — сказал мужчина. — Я, на твоём месте, поступил бы так же и даже, если подумать, пожалуй,

положил бы две, потому что одной будет скучно. А пока что давай-ка выпьем чаю и закусим брынзой с поджаренным хлебом. Хочешь, я сварю тебе яйцо?

— Яйцо я ел и вчера вечером, и мама велела тебе сказать, чтоб ты мне больше яиц не давал, а сам съел два.

— Наша мама никогда ничего не забывает, но мне не так хочется есть, как спать, — сказал мужчина и зевнул.

Зевнул и Соколиное Перо, чтобы не обжечься чаем, и когда он подул на ложечку, чай его действительно не обжег.

— Зевать — мой секрет, — сказал он, немного погодя.

Мужчина пил чай, не дую на него, и когда глотал, закрывал глаза. У него были большие зеленые глаза, теперь очень усталые, он часто моргал ими и поднимавшийся из чашки пар увлажнял его взор.

— Папа, что делают звезды днем? — спросил Соколиное Перо.

— Звезды? — удивился мужчина, но удивление его длилось недолго, потому что он тут же ответил, словно думал в эту минуту о том же:

— Днем звезды спят.

— Как ты, — рассмеялся Соколиное Перо. — Точь-в-точь, как ты.

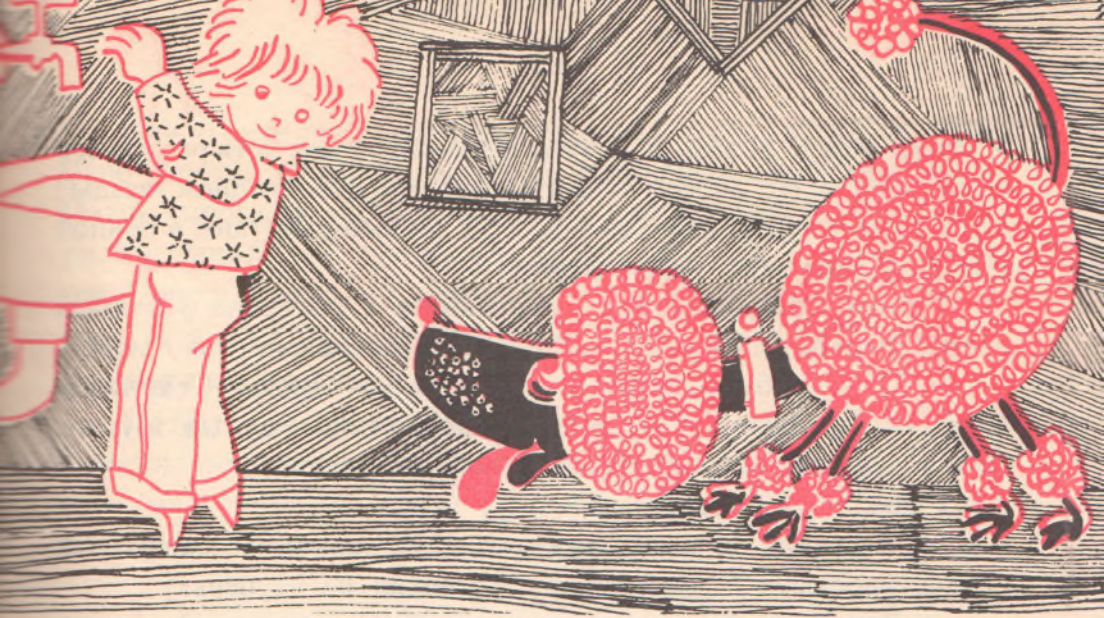
— Да, — сказал мужчина, — звезды тоже работают в ночной смене, а днем должны спать, чтобы отдохнуть.

Мужчина зевнул, встал из-за стола и направился к выключателю, чтобы потушить свет. Зевнул и Соколиное Перо, чтобы свет погас, и он действительно погас.

— Послушай, папа, что я тебе скажу: утром, когда ты ложишься спать, я никогда не знаю, как тебе говорить: «Спокойной ночи» или «Доброе утро»?

— Ишь какие задачи задаю я тебе, сам того не зная, — рассмеялся мужчина. — Если ты непременно хочешь доставить мне удовольствие, обещай не забрызгать всю квартиру со своей бутылочкой и вообще вести себя, как настоящий индейский вождь.





— Ладно, — согласился Соколиное Перо. — Мама велела не будить тебя до часа и еще сказала, чтобы ты не ложился без пижамы, а то простудишься.

— А какие сны я должен видеть, не сказала?

— Нет.

— Торопилась, наверное, и забыла. Но я и сам постараюсь увидеть во сне то, что ей нравится.

— Например про то, как мы летом были у бабушки с бабушкой и ели ежевику, — предложил Соколиное Перо. — И про пыплат, которых дедушка принес в шапке.

— Это будет замечательно, — сказал мужчина и пошел спать.

Орлиный Глаз решил переменить место. Он вылез из-под стола, отряхнулся, потом снова улегся у двери и в той же позе, положив морду на вытянутые передние лапы и поджав под себя задние.

— Какой ты глупенький, — сказал ему Соколиное Перо. — Сам не знаешь, зачем тебе понадобилось менять место. И вообще ты понятия не имеешь об очень многих вещах. Я задам тебе самые простые вопросы и ты увидишь, что не сумеешь на них ответить. Например, сколько у стола ножек?.. А? Сколько?

У стола четыре ножи. А у стула сколько?.. Тоже четыре. Ничего ты не знаешь. Но, может, тебе известно, что делают днем звезды? И этого не знаешь? Днем звезды спят. Ночью работают в ночной смене, а днем спят — отдыхают.

Потом Соколиное Перо отправился к раковине и открыл кран. Пришел туда и Орлиный Глаз, но совершенно зря пришел.

— Игра с бутылочкой отменяется, — сказал Соколиное Перо. — Не знаю, что с этим краном, отчего он так шумит. Давай закроем его, оденемся и пойдем во двор.

Сказано — сделано.

На лестнице их многоэтажного дома знакомая девочка ела хлеб с вареньем и прыгала со ступеньки на ступеньку.

— Давай играть, — предложил ей Соколиное Перо.

— Опять в индейцев?

— Опять.

— Тогда меня как будут звать?

— Ломтик Апельсина.

— Щечка Персика было бы лучше.

— Ладно, пусть будет Щечка Персика.

— Хочешь хлеба с вареньем?

— Нет, я уже поел.

— А почему трубу не принес?

— Поиграем сегодня без трубы.

— В индейцев и без трубы?

— Да. И без крика. Без визга.

— Почему?

— Так. Тебе известно, что делают звезды днем?

— Что?

— Спят. Ночью работают в ночной смене, а днем спят — отдыхают.

— Не верю.

— Честное слово. Предлагаю играть в индейцев, которые стерегут звездный сон, чтобы звезды могли отдыхать. Хочешь?

— Хочу.



Они играли так целое утро. Часам к одиннадцати Соколиное Перо спросил у кого-то, который час и узнал, что одиннадцать. Потом спросил у другого: оказалось половина первого. В третий раз он узнал, что уже десять минут второго. Тогда Соколиное Перо издал такой пронзительный вопль, что Щечка Персика заткнула себе уши ладонями, а Орлиный Глаз испугался и заметался по двору.

Потом Соколиное Перо зевнул, чтобы разбудить звезды, и звезды проснулись. Лучшим доказательством было то, что из окна многоэтажного дома раздался хорошо известный Соколиному Перу свист.

## ГЛУПЫЙ ВЕТЕР

День был холодный и туманный, но зима кончилась, все говорили, что пришла весна, и даже в воздухе чувствовалось, что весна, потому что дул ветер, который пах чем-то непохожим на зимний запах, а если открыть окно, то ветер этот легко проникал сквозь занавески и находил тебя, где бы ты ни прятался.

Дуку открыл окно и спрятался за шкаф.

Но ветер нашел его и там.

Правда, не сразу нашел, и тот, кто подумает, что сразу, ошибется.

Сначала ветер искал Дуку на кровати и под столом. Это было очень смешно, особенно, когда он искал его под столом, где ему пришлось растрепать целую кипу валявшихся там журналов, но не менее забавно было и как он искал его на кровати, где ветер приподнял с одного края простыню и пробовал заглянуть даже под подушку.

Только после этого ветер нашел Дуку за шкафом. И когда он его нашел, мальчик засмеялся и сказал:

— Ладно. Теперь прячься ты. Вот, я поворачиваюсь к тебе спиной.

Но ветер был очень глупый, не знал куда спрятаться и без толку кружился по комнате.

— Ты можешь прятаться где хочешь, — сказал ему мальчик.



Но ветер все-таки не знал, где лучше спрятаться и метался из стороны в сторону: ужасно глупый ветер!

— Ты не очень-то умеешь играть, — сказал ему мальчик. — Выходи лучше на двор и жди меня у входа в наш дом. Я сейчас отправлюсь в магазин за хлебом и ты пойдешь со мной. Увидишь там девочку, которую зовут Иоаной. Значит, жди: пойдем за хлебом все вместе.

Дуку надел на голову красную шапочку, взял со стола приготовленные на хлеб деньги и сунул их в карман.

Потом вышел, заперев дверь на ключ.

Ключ, если хотите знать, Дуку сунул в тот же карман, а когда он ударился там о монеты, послышался такой звук, будто у мальчика в кармане было невесть какое богатство, а не две леи и двадцать баней, сколько стоил батон, ни гроша больше.

Перед домом его ждала девочка, которую звали Иоаной. Там же дожидался его и ветер.

— Идем? — спросила девочка.

— Идем все трое.

— А я думала, что пойдем только мы с тобой, — сказала девочка. — Если с нами пойдет эта рохля Мария, я побегу вперед. Не нравится мне эта рохля Мария.

— Никакая рохля Мария с нами не пойдет, — сказал мальчик. — Идем только мы втроем: я, ты и ветер.

— Какой ветер?

— Этот самый. Правда, он глуповат, зато мне друг.

— Чего только не приходит тебе в голову?! — удивилась девочка. — А я-то думала, ты возьмешь с собой Марию.

— Ты забыла сказать: «эту рохлю Марию», — рассмеялся мальчик.

— Теперь я уже больше не стану ее так называть, раз она с нами не идет. Раз она с нами не идет, я против нее ничего не могу. Теперь я могу даже сказать: «эта хорошенькая Мария». Могу сказать как хочешь. Я рада, что идем только мы вдвоем.

— Мы вдвоем и ветер, — сказал мальчик.

— Это твоя выдумка, — сказала девочка. — Я не вижу никакого ветра.

— Вот он! Который треплет тебе волосы. Мой друг.

— А почему ты говоришь, что он глупый?

— Не для того, чтоб его обидеть. Не так, как ты говоришь: «эта рохля Мария». Тебе не нравится, что он пойдет с нами?

— Ветер тепленький, — сказала девочка.

— Да. И пахнет не знаю чем.

— Неправда. Ничем он не пахнет.

— Для тебя не пахнет, потому что ты ничего в нем не смыслишь.

— В чем?

— В ветре.

Они шли рядом.

Шагали, не торопясь, рядом: мальчик, девочка и ветер.

Но как только они завернули за угол дома, ветер пустился бегом.

— Стой! погоди! — крикнул ему мальчик. — Бежать не имеет никакого смысла. Даже если ты прибежишь первым, деньги на хлеб все равно у меня, глупенький!

— Ты разговариваешь с ним, точно он тебя слышит, — сказала девочка.

— Я разговариваю с ним, потому что он мой друг, — сказал мальчик. — И еще потому, что он прилетел издалека и кто-нибудь должен о нем заботиться.

— Откуда он прилетел?

— Папа говорит: с моря. Только не с нашего, куда я ездил прошлым летом и откуда привез тебе ракушек и морского конька. Ветер прилетел с другого моря. Очень теплого и синего.

— И что же он делал на этом море?

— Как что? Смотрел, как ходят пароходы, как летают чайки и как рыбы выпрыгивают из воды и кувыркаются.

— Может, он тоже ракушки собирал, — сказала девочка.

— Этого я уже не знаю. Спроси у него.



— Он ответит мне так, что ничего не разберешь, — рассмеялась девочка.

— Попробуй.

— Зачем? Ты сам сказал, что он глупый. Может, он даже не знает, что делал на море. К тому же он опять унесся вперед. Позови его, вели вернуться.

— Теперь он не унесся вперед, а остался сзади, у деревьев, — сказал мальчик. — Сам придет, без моего зова.

И действительно, не успели мальчик с девочкой дойти до булочной, как ветер принеся сам, хотя никто его не звал.

— Я говорил, что он нас догонит, — обрадовался мальчик. — Я уже знаю его привычки.

— Давно вы с ним друзья?

— С сегодняшнего утра.

— Так и сейчас еще утро, — сказала девочка. — Когда же вы успели подружиться?



— Это случилось вдруг, — сказал мальчик.

— Откуда ты знал, что он принесется?

— Он должен был принестись. Ты разве не чувствуешь заранее, когда кто-нибудь должен появиться, когда что-нибудь должно произойти?

— Нет, — сказала девочка.

— Очень жаль, — сказал мальчик. — Чувствовать — это очень приятно.

Он вошел в магазин купить хлеб.

Девочка и ветер остались одни.

Девочка стояла на ступеньках магазина, а ветер затеял игру, то спускаясь, то поднимаясь по лестнице.

На одной из ступенек валялся трамвайный билет, и ветер подхватил его — может, хотел кинуть в мусорный ящик, решила девочка.

Внезапно ветер начал тихонько свистеть, потом собираться в клубок и даже, как будто, раздуваться вроде павлина. Потом, оставив девочку, он устремился вверх, поднимаясь все выше и выше к облакам. Через некоторое время она увидела, как в одном месте облака расступились, словно кто-то отодвинул их в сторону, и в небе появилось голубое, нестерпимо голубое пятно.

Вышел и мальчик из магазина, и девочка показала ему пальцем на это голубое, нестерпимо голубое пятно.

— Я тебе говорил, я тебе говорил! — обрадовался мальчик. — Чувствовал, что должно что-то произойти. Это сделал мой глупый ветер!

Он так радовался подвигу своего друга, словно совершил его сам; словно он, Дуку, покрасил этот клочок неба в голубой, нестерпимо голубой цвет.

Девочка так и подумала, потому что ветер был другом мальчика, прилетел издалека и мальчик о нем заботился. Не может быть, чтоб это чудо сделал один ветер: уж наверное его сделали оба.

И еще она подумала, что им немножко помогла и она.



## ПРАЗДНИК

Мужчины пили пиво из больших кружек и держали их, когда подносили ко рту, не обеими руками, а только одной. Он, Дуку, тянул сироп из стакана, то есть сперва дул в соломинку, пока сироп не начинал пузыриться, и лишь после этого тянул его маленькими глотками, наполняя рот. Сироп такой же желтый, как пиво, и девочка за соседним столиком думала, что он пьет пиво. Вернее, он не знал, что думала девочка, но ему страшно хотелось, чтоб она думала именно так. Поэтому он повернулся и сказал:

— Никогда в жизни не пил такого вкусного пива. А как здорово щиплет язык!

Он чмокнул губами и высунул язык, но зря старался, потому что девочка отвернулась и больше на него не смотрела.

У нее был голубой воздушный шар и она грызла орешки, а мужчина, который сидел рядом с ней — ее папа или дядя, или кем бы он ей ни приходился, — то и дело повторял ей, что шар непременно лопнет, если она будет тереть его ореховой скорлупой. Он тоже пил пиво, то есть такое же пиво, какое пили его папа и другие трое мужчин, сидевших за их столиком — пиво в кружках и с настоящей пеной, а не сироп, который только Дуку

называл пивом. Будь тут мама, она уж конечно сказала бы ему, что он задается, фасонит — смешное это слово «фа-со-нит», — но папа ничего такого не говорил, а разговаривал с другими тремя мужчинами. Все четверо смеялись, и папа предлагал им держать пари.

— На сколько угодно! На сколько угодно!

Трое мужчин не верили, что папа способен сделать деталь, которую теперь привозят невесть откуда и которая стоит пропасть денег, а папа говорил, что способен.

— Плюньте мне в глаза, если не сделаю. Просто плюньте в глаза!

Трое мужчин смеялись и подмигивали друг другу, то и дело повторяя: «Знает ведь дядя Силе, что мы не посмеем плюнуть ему в глаза, потому так и говорит!»

— Не о том речь, что посмеете или не посмеете, — смеялся папа. — Пари есть пари. Плюньте мне в глаза, если не сделаю.

Они чокнулись кружками, и папа потянулся своей кружкой, чтобы чокнуться и с его, Дуку, стаканом.

Вдруг раздался громкий хлопок и потом сразу визг.

— Сто раз тебе говорил, что лопнет, — сказал мужчина за соседним столиком девочке. — Сто раз говорил, сто раз...

От шара остался клочок голубой резины, мокрой и скомканной, а девочка плакала и терла себе глаза кулаками, хотя сидевший с ней мужчина и говорил, что ей было сто раз велено не тереть глаза кулаками. Но это уже неправда: о воздушном шаре он действительно несколько раз говорил, что лопнет, а насчет глаз не было сказано ни слова.

Тогда папа сказал трем мужчинам:

— Только этого нам не хватало. Как раз в самом интересном месте разговора произошла эта авария с шаром, и теперь мы должны заниматься девочкой.

Трое мужчин рассмеялись, но у папы было очень серьезное лицо — нужно было видеть какое серьезное, то есть, оно казалось серьезным, но разве можно было поверить, что он не смеется в душе?





Дуку опустил соломинку в стакан с сиропом и поднялся.

— Ладно,— сказал он. — Я все понял: не такой уж я дурачок, чтобы не понять, что вы говорили обо мне. Только не знаю, что нужно сделать. Я бы дал девочке мой шар, чтоб она не плакала, но он лопнул еще утром. Я даже не успел перейти с ним на площадь. Не знаю, помнишь ли?

— Очень хорошо помню, — сказал папа. — Но разве на свете нет ничего, кроме воздушных шаров?! Ступай к девочке и придумай, как ее утешить, я тебя хорошо знаю и уверен, что ты сумеешь это сделать.

— Ты позволишь нам собирать пробки от пивных бутылок?

— Великолепная идея, я бы сказал даже самая лучшая из возможных.

— Хорошо, мы будем собирать пробки, но смотри, чтобы мама опять не сказала, что я набиваю карманы мусором.

— Можешь быть спокоен. Я умею хранить секреты, — сказал папа. — К тому же, сегодня праздник и мама, может, не будет такой требовательной. Разумеется, если у нее не подгорел, на наше несчастье, слоеный пирог...

Девочка еще плакала, правда потише, но все-таки плакала, а сидевший с ней мужчина протягивал ей платок и твердил:

— Ведь сто раз тебе говорил, сто раз...

Тогда Дуку подошел к их столику и держась очень прямо, сказал девочке:

— Перестань плакать. То есть извините, я должен был сначала поздороваться... Здравствуйте!.. Не плачь. У меня тоже был шар и тоже голубой, но не круглый, как твой, а длинный, и он лопнул еще утром, я даже не успел перейти с ним площадь. Лопнул и все. Раз лопнул, так лопнул. Хочешь, будем собирать пробки от пивных бутылок?

Девочка подняла глаза на сидевшего с ней мужчину, тот кивнул головой и сказал, что она может идти, но не просто «ступай», а:

— Можешь идти, но смотри не путайся у людей под ногами!

Вот еще выдумал! Разве можно собирать пробки от пивных бутылок и не путаться у людей под ногами! Конечно же, приходится путаться под ногами, но нужно попросить позволения, сказать «извините» и тогда никто на тебя не рассердится.

Девочка встала, но тут же нагнулась — увидела пробку возле своего стула. Она втиснулась в песок около его ножки.

— Смотри, — сказала она, — одну я уже нашла!

— Оставь ее, — сказал Дуку. — Подберем, когда вернемся. Лучше пойдем вглубь ресторана.

Это был большой летний ресторан на шоссе Киселева с множеством столиков, ни один из которых не был свободен. Люди пили пиво, ели брынзу с помидорами и грызли орешки. Почти на всех столиках были цветы, но не те, которые обычно стоят на ресторанных столиках и которые нужно отодвигать, чтобы видеть сидящего напротив человека, а цветы, которые люди принесли из дома и с которыми они были на демонстрации. По цветам сразу было видно какой это праздник и по дороге Дуку даже сказал девочке:

— Хочешь, я научу тебя не путать праздники? Если видишь розы, значит, это 23 Августа. Если видишь другие цветы, особенно бумажные, значит это 1 Мая.



— Сегодня 23 Августа, — сказала девочка.

— Это и по розам видно, — сказал Дуку. — У нас дома, на балконе, очень много цветов и мама позволяет мне их поливать. Разумеется, когда у нас не подгорают пироги! У меня есть лейка...

— У кого нет лейки?! Моя зеленая.

— Зеленая и еще какая?

— С ручкой и сеткой.

— А моя зеленая с бабочками. Конечно, у нее тоже есть ручка и сетка, но есть и бабочки.

Возле столиков валялось немало пробок, и потому дети не гугались у взрослых под ногами. У Дуку было два кармана на штанишках и один на рубашке, а у девочки — один большой карман на платье, так что вопрос о том, куда класть пробки их мало беспокоил. Когда карманы наполнились, дети подошли к ограде и стали смотреть на улицу. Иногда можно часами смотреть на улицу и не увидеть ничего интересного. Пройдет человек, проедет машина, ну и что? Теперь, однако, с демонстрациями возвращались спортсмены в разноцветных шелковых блузах. Они несли разноцветные знамена, большие обручи и платки, тоже пестрые, так что не знаешь, на кого прежде смотреть. То есть не знала девочка. Она смотрела прежде всего на велосипедистов.

— Ты умеешь ездить на велосипеде? — спросил Дуку.

— Я умею кататься на коньках, — сказала девочка.

— Мне ужасно хочется велосипед, — сказал Дуку. — Ты, может, заметила, я никогда не вру. Я не сказал тебе, что у меня есть велосипед, не сказал, что умею ездить на велосипеде — сказал правду. И это еще не все. Мне так скоро велосипеда не купят. Я врать не люблю.

Девочка смотрела на группу спортсменов в белых блузках и белых узких брюках, которые несли под мышкой сетчатые маски и какие-то тонкие шпаги. Она долго молчала и, засунув руку в карман, перебирала пробки. Когда девушки в белом прошли дальше, она совсем тихо сказала:

— Ты знаешь, у меня лейки нет. Я только сказала, что есть, а на самом деле нет. Сердишься?

— Нет, — сказал Дуку. — Если бы мы с тобой были соседями, я бы одолжил тебе свою лейку. Она немного заржавела, но бабочки видны хорошо.

Ничего особенного не произошло, но с этой минуты он почувствовал, что должен что-то сделать для этой девочки, сказать или подарить ей что-нибудь, но ни сказать, ни подарить ей ему было нечего. Он вспомнил, как задавался, говоря, что пьет пиво, но она, быть может, не слышала его тогда. Как было бы здорово, если бы она его не слышала!

— Хочешь, я отдам тебе мои пробки? — предложил он.

— Зачем? У меня своих довольно. И можно еще набрать.

— Я хочу отдать тебе свои.

— А я тебе свои. Давай!

Они быстро обменялись пробками, поднимая упавшие и сдувая с них пыль. И хотя ничего смешного не было, оба начали смеяться и что бы они ни видели, все теперь казалось им необыкновенно веселым.

— Вон «Фиат 600». Ну прямо зеленая лягушка!

— Погляди на эту шляпу. Прямо зонтик!

— Идет, катится Трабант, бант, бант, бант!

— А за ним грузовик, вик, вик, вик!

Они вернулись к своим столикам, держась за руки. Девочкин папа, дядя или кем бы ни приходился ей мужчина, с которым она сюда пришла, расплатился и встал.

Дуку сказал девочке «До свидания», она тоже сказала ему «До свидания», потом мужчина с девочкой ушли.

Дуку уселся за свой столик и снова принялся тянуть сироп, но уже не дул, как прежде, в соломинку, чтобы слышать, как он пузырится.

— Не скучал? — поинтересовался его папа.

— Нет.

— Девочка утешилась?



— Утешилась.

— Я был уверен. Ты это умеешь. Я и не сомневался.

— Я забыл только спросить, как ее зовут.

— Предположим, что Санда. Или Ильяна. Или, если хочешь,

Вероника.

— Нет. Я должен был у нее спросить.

— Что ж, беги и спроси.

— Спрошу в будущем году. Мы опять сюда придем, да?

— Разумеется! Когда нам где-нибудь понравится, мы не забываем адреса. Хочешь орехов?

— Да.

— Товарищ официант! Принесите нам еще орехов и стакан гропа. Пировать, так пировать. На то и праздник!

Какой прекрасный день! Лишь бы не подгорели мамины пироги! Впрочем нет, они не посмеют подгореть, сегодня все должно быть веселыми и стараться делать другим что-нибудь приятное, чтобы... Как вам это сказать?.. Чтобы во всем и повсюду чувствовался праздник, чтобы можно было посмотреть на людей и прочесть это на их лицах.

## ДОЖДЬ И РАССКАЗЫ О КРАСИВОМ

Так как шел дождь и на улице было много народа с зонтиками, девочка, которую звали Марией, сказала:

— Давайте рассказывать о чем-нибудь красивом.

— Давайте, — согласился мальчик, который пришел со своей мамой навестить тетю Матильду и надел по этому случаю новые сандалии. — Я видел лошадь.

— Когда ты видел лошадь? — спросил Дуку.

— Вчера, — ответил мальчик в новых сандалиях. — Она была черная.

— Ну и? — сказала Мария.

— Больше ничего, — сказал мальчик в новых сандалиях. — Я видел ее из окна вагона. Поле медленно крутилось, а среди поля стояла черная лошадь.

— Это не рассказ, — сказала Мария.

— Но это было красиво, — сказал мальчик в новых сандалиях. — Очень красиво.

— Думаю, что да, — подтвердил Дуку. — Я воображаю, что это было очень красиво. Расскажи еще что-нибудь такое же.

— Давайте рассказывать по очереди, — предложил мальчик в новых сандалиях. — Начал я.



Так как шел дождь и на улице было много народа с зонтиками, Мария рассказала следующее:

— Я не знала, что идет дождь, стояла и смотрела, как бабушка печет блинчики. Когда пришла мама, я не оглянулась на дверь. И вдруг почувствовала запах дождя.

— Дождь не пахнет, — сказал мальчик в новых сандалиях.

— Пахнет и очень приятно, — сказала Мария. — Он пахнет лесом и грибами. А если закрыть глаза, то пахнет малиной.

— Мне малину есть не позволяют, — сказал мальчик в новых сандалиях. — У меня, когда я ем малину, на лице делаются прыщики...

— Зачем говорить о прыщиках? — рассердился Дуку. — Мы же сговорились рассказывать только о красивом.

— А Мария сказала про грибы. Грибы некрасивые.

— Неправда, — возмутилась Мария. — Грибы белые и дыбят, когда идет дождь.



— Ладно, — сказал мальчик в новых сандалиях. — Дальше.

— Не будем торопиться, — сказал Дуку. — Торопиться нечего.

Они немного помолчали, смотря из окна комнаты, где жил Дуку, на блестящую от дождя улицу и на женщину с красным зонтиком, которая бежала под дождем.

— У папы на заводе каждое утро привозят молоко, — сказал наконец Дуку. — Папа работает в литейном цехе и, когда в цехе появляется тележка с белыми бутылками, все смеются. Молоко привозят всегда в десять часов, не раньше, не позже, и это очень красиво, когда все сразу начинают смеяться.

— Почему смеются?

— Так.

— Тут нет ничего смешного, — сказала Мария.

— Ты не поняла, — сказал Дуку. — Или я, может, не сумел рассказать. Нужно там быть и видеть своими глазами. Огонь в печи красный и оранжевый. Когда льют в формы чугун, он окрашен в разные цвета и кажется то вишневым, то зеленым, а дым серый и голубой, и все остальное там, в литейном цехе, черное и синее или зеленое, которое кажется черным. И вдруг появляется тележка и там сто белых бутылок.

— Я понял, — сказал мальчик в новых сандалиях. — Очень красиво.

— Да, — согласилась Мария, — теперь поняла и я. И мне тоже вдруг захотелось смеяться.

Все трое стали смеяться и, глядя друг на друга, смеялись все громче.

— Теперь опять твоя очередь, — сказал Дуку мальчику в новых сандалиях.

— Да, — ответил тот, — но я сейчас ничего рассказать не могу. Мне ничего другого не приходит в голову, кроме этих бутылок с молоком, когда их туда привозят и все смеются.

— Подумай о чем-нибудь другом, — посоветовал Дуку.

— Не могу. Пускай расскажет Мария.

— Я тоже больше не могу, — сказала Мария. — Нет ничего



красивее этих белых бутылок, которые туда привозят. Пусть Дуку расскажет о них еще что-нибудь.

— Мне больше нечего о них рассказать. После того, как их привозят, ничего больше не происходит. Каждый берет по бутылке молока и начинает пить. Папе нравится пить стоя, прямо из бутылки, которую он держит обеими руками, словно играет на белой трубе. Он пьет и подмигивает мне.

— Зачем он тебе подмигивает? — спросила Мария.

— Потому что мама не позволяет ему пить из бутылки. Говорит, что это некрасиво — ведь папа мастер!

— А по-моему, очень красиво, — сказал мальчик в новых сандалиях. — Ничего не может быть красивее. Рассказывай дальше.

— Но я же давно кончил, — сказал Дуку. — Вот и дождик перестал.

На самом деле дождь не перестал. Правда, с неба больше не падали капли и люди на улице складывали зонтики, но там, сверху, в окне у Дуку, дождик не перестал. Потому что всегда, когда думаешь о чем-нибудь красивом, откуда-то издали словно доносится шум дождя. Невидимый дождь льется на стоящую среди поля лошадь, на лес с грибами и малиной, на тележку с белыми бутылками, которую там, в литейном цехе, люди встречают радостным смехом.

...Такой дождь может идти и час, и день, и всю жизнь.

## ТОТ ДЕНЬ И ДЯДЯ КОСТИКЭ

Так, на память, трудно сказать, сколько в неделе дней. Не будь других забот, можно было бы, куда ни шло, подумать немного и сказать, но это вовсе не так просто, когда у человека миллион дел. Хорошо еще, что ему дана рука с пальцами, при помощи которых он, в общем, может с честью выйти из положения. Мизинец, который, неизвестно почему, когда подносишь ко рту стакан, поднимается сам собой, представляет понедельник. Его безымянный сосед с оставленной кошкой царапиной, — вторник. Длинный, средний палец — среду. Тот, которым показываешь: «Смотри, шмель!», а потом смеешься — «Обманул!» — четверг. Большой палец — пятница. С одной рукой, значит, кончено. Переходишь на другую. Опять большой палец — суббота. Указательный — воскресенье. Далее остается только пересчитать пальцы. Так оказывается, что в неделе семь дней, хотя ни одна неделя не похожа на другую. Одна проходит так, что не заметишь, вроде конфеты, которую забываешь под языком, а когда хватишься, оказывается, что она уже растаяла; другая, наоборот, так полна всевозможных происшествий, что долго потом вспоминаешь о ней или об одном из ее дней, словно надеясь, что она повторится, и неводишь глаз с двери, ожидая что она вот-вот вернется.



В той неделе, о которой пойдет речь, самым прекрасным днем был четвертый — четверг. Фактически, это началось еще в среду, когда, после обеда, всю мебель собрали посреди квартиры и покрыли газетами и простынями. Так что и среда была — что правда, то правда — довольно приятным днем, хотя и не совсем, как четверг.

В четверг, в шесть часов утра, пришло двое маляров. Впрочем, было бы лучше, если бы один из них заблудился по дороге, а вместо него пришел другой. Все, что он говорил, начиналось с «не»: «не трогай», «не путайся под ногами», «не разрешается» и т. д. Правда, все это он говорил, не хмуря лба, и в разговоре, словно ненароком, произносил иногда даже такие слова, как «миленький» или «голубчик», но это ничего не меняло. У него были черные, очень смешные усы, которые, если бы он не носил их под носом, а прицепил к воротничку рубашки, можно было бы принять за галстук и даже поклясться, что это галстук из тех, похожих на ночную бабочку, что носят официанты «Сучавы» — знаменитого буфета, каких не много на свете, потому что там можно, когда хочешь, собирать пробки от пивных бутылок и никто тебя не прогонит. Усача звали дядя Нику и — как знать? — может быть, если бы мальчик не привязался к его усам и не предложил ему приклеить их чуть ниже — там, где носят галстук официанты «Сучавы», — этот дядя Нику был бы добрее. А так... Произнося «миленький» или «голубчик», он ни разу не нахмурился, однако, и не подпускал к себе мальчика ближе, чем на два метра.

Зато ему повезло с другим маляром, дядей Костикэ. Вот кто был человек! С таким стоит познакомиться или хотя бы на него посмотреть. Потому что выглядит он замечательно в своих пестрых, испачканных всеми цветами радуги брюках, в рубашке, тоже испачканной всевозможными красками рубашки и вырезанной из газеты, с небритыми с воскресенья щеками и желтым — нет, извините, не желтым, а лимонного цвета — пятном на носу. И надо было видеть, как он, верхом на своей облезлой стремянке, шагает по столовой, словно на ходулях; как

нагибается и кричит: «Батюшки, падаю, пожалейте человека!». потом выпрямляется, хохочет и спрашивает, не испугался ли кто-нибудь! Право, стоит с ним познакомиться или хотя бы посмотреть на него!

С дядей Костикэ мальчик подружился с самого начала. Маляр пожал ему руку, стиснул ее как клещами, и тут же сам закричал: «Ай, что ты делаешь? Хочешь оставить меня без пальцев? Чем я буду после этого играть на рояле?» Ну как не засмеяться, когда с тобой проделывают такое? А дядя Костикэ только того и ждет: видеть, как ты смеешься!

— Чему смеешься, душа моя? Что ты тут нашел смешного? Может, тебе не нравится, что меня зовут Костикэ?! Скажи прямо, если не нравится. Будь честен.

— Нет, нравится. Моего дядю Костикэ тоже зовут дядя Костикэ.

— Наверное?

— Да. Мамина брата, дядю Костикэ.

— Ага! Знаю. Живет на той самой улице... где... У него еще щенок с зелеными глазами и белым хвостом или, не помню уж, с белым хвостом и зелеными глазами...

— Неправда. Дядя Костикэ — машинист на железной дороге. Он обещал мне, когда вернется из Ясс, привезти соленых жареных семечек.

— Вряд ли ему это удастся. Однако пускай попробует. Если он человек слова, твой дядя Костикэ, он сделает все возможное, хотя на свете нет ничего труднее, как привезти из Ясс семечек.

— Каких?

— Тыквенных, разумеется. Разве мы говорили не о них?

— Мы говорили о том, что тебя зовут дядя Костикэ.

— Ах да, чуть не забыл. Меня именно так и зовут. Однако откуда тебе это известно? Кто тебе сказал?

Сами посудите, какой человек этот дядя Костикэ. Сам сказал, как его зовут, а потом спрашивает, откуда тебе это известно!



И это еще не все. Это было вначале, когда они только что познакомились и дядя Костикэ еще только переодевался — менял одежду, в которой он пришел, на те самые брюки и рубаху и натягивал на голову свой смешной шлем. Настоящая красота произошла позднее. Дядя Костикэ размешивал в ведре краски и вдруг принялся жаловаться на свою горькую долю:

— Ох, бедная моя головушка, пропавший я человек! Забыл все-что дома, а живу я на краю света...

— Что ж ты забыл, дядя Костикэ?

— Не спрашивай, малыш, оставь меня, я и без того достаточно несчастен. Но как я мог забыть? Где была моя голова?! Ой-ой-ой!

— Что ж ты забыл, дядя Костикэ?

— Ученика забыл. Кто будет мне теперь помогать?

— Дядя Нику.

— Дядя Нику — мастер. Разве он может быть учеником?

Ах, если бы у тебя, например, был братец.



— Нет у меня братца, дядя Костикэ.

— Жаль, душа моя. Весьма жаль. Я бы поручил ему тысячу разных дел.

— Поручи мне, дядя Костикэ!

— Тебе? Что ты сказал? Тебе?

Дядя Костикэ бросил палку, которой он размешивал в ведре краски, повалился на пол и принялся хохотать, корчась и держась обеими руками за живот. Чем дальше, тем пуще. Дядя Нику пришел из другой комнаты и давай на него кричать:

— Эх, Костикэ, неужто ты никогда не состаришься, не об-разумишься?

Когда дядя Нику кричал, его черные усы ходили вверх и вниз, словно кто-то дергал их за веревочку. Но дядя Костикэ не обращал никакого внимания ни на крики, ни на усы дяди Нику. Он, знай, хохотал, валяясь на полу и держась руками за живот.

— Не могу больше, умираю! Не могу! Не слышал ничего смешнее, с тех пор, как меня зовут Костикэ.

И давай опять хохотать. С трудом успокоившись, он утер слезы краем простыни, которой была покрыта этажерка с папи-ными книгами, потер себе живот и сказал:

— Замечательное предложение! И ты это, малыш, всерьез или так? Неужто взаправду хочешь мне помогать?

— Хочу, дядя Костикэ.

— А знаешь, что тебе нужно делать?

— Не знаю.

— Я тебе скажу: во-первых, сделать себе такой же шлем, как у меня.

— Сделаю.

— Потом принести банку, чтоб я налил в нее для тебя краску.

— Принесу.

— Я дам тебе кисть и отведу место, которое ты будешь красить.



— Выкрашу.

— Но это еще не все. Когда будешь красить, ты должен петь, иначе дело на лад не пойдет.

— Буду петь, дядя Костикэ.

— Ладно, посмотрим.

И вот так он стал учеником при дяде Костикэ. Они красили и пели. Пели и красили.

Около полудня дядя Костикэ развернул сверток с брынзой, луком, колбасой и хлебом и оба закусили. У дяди Костикэ было все, что угодно. И складной ножик со штопором, и соль в спичечном коробке.

— Такой уж я, — говорил он. — У меня все есть. И ножик, и соль, и зубочистки, и даже гость к столу. Что мне еще нужно?

Закусив, они снова принялись за работу и снова запели. Дядя Костикэ знал множество разных песен, только ни одной не знал до конца и, едва начав одну, переходил на другую. Дядя Нику то и дело кричал ему из соседней комнаты:

— Неужто, брат, у тебя глотка не устала?

Но дядя Костикэ ему не отвечал. Подмигивал мальчику и говорил шепотом, чтобы не расслышал дядя Нику:

— Чего он ко мне привязался? Я насчет его усов проезжаюсь? Скажи: проезжаюсь или нет?

— Нет, дядя Костикэ.

— Видишь! Мне до тебя есть дело, а не до него.

Так они работали, пока не кончили. Потом оба вымылись в ванной, дядя Костикэ переоделся, потом... потом настал вечер и ничего интересного больше не случилось. Но какой это был день! Боже, какой это был день и какой замечательный человек этот дядя Костикэ!

Летят дни, летят недели, а мальчик все еще вспоминает тот день и дядю Костикэ. Каждый раз, когда у дверей раздается звонок, он бросается открывать и каждый раз думает, что вернется тот день, а вместе с ним и дядя Костикэ.

## ДЕНЬ, КОГДА ВСЕМ БЫВАЕТ СЕМЬ ЛЕТ

— Будто я на самолете, и ночь, и не видно, где приземлиться, чтобы набрать капитанов, которые будто бы апельсины. Но ты будто зажигаешь фонарик и делаешь им вот так — смотри! — и тогда, при свете, я спускаюсь и нагружаю самолет апельсинами, потом ты опять будто машешь фонариком и я отправляюсь дальше — отвозить куда нужно апельсины. Хорошо?..

Действительно, очень хорошо. Об этом думал и он. Вечером, когда есть фонарик или, вернее, когда папа не сердится, что у него взяли фонарик, потому что нет поблизости бабушки, которая непременно заметила бы: «Зачем ты позволил ему взять фонарик? Он обязательно засунет его в рот», самое лучшее — играть в аэропорт. Зажжешь фонарик, сигналишь им, самолет видит твои сигналы и знает, что аэропорт здесь.

Но мальчика кликнула домой мама и вместо того, чтобы рассказать девочке, как все это замечательно, он ответил матери, что сейчас придет.

— Будем играть завтра утром? — спросила летчица.

— Завтра утром нельзя, — ответил начальник аэропорта.

Девочка поверила, что нельзя, потому что утром светло, но сказала, что это ничего, что хотя это и будет не так красиво,



можно играть и при свете, потому что *она и при свете увидит*, где приземлиться.

— Нет, — сказал он. — Завтра нельзя не потому, что будет светло. Увидишь. Вставай пораньше и выходи на площадку перед домом.

— Зачем?

— Так. Увидишь.

И побежал домой. Побежала за ним и девочка, но не остановись он, чтобы зажечь фонарик, она не догнала бы его. Он направил фонарик ей в лицо и спросил:

— А ты знаешь, как меня зовут?

— Я знаю, как зовут всех детей в нашем доме.

— Остальных неважно. Скажи, как зовут меня.

— Дуку.

— Нет, меня уже не так зовут. Что дашь, если скажу?

— Тебя зовут Дуку. И ничего я тебе не дам.

— С Дуку покончено. Точка. Начиная с завтрашнего дня меня зовут не так.

— Ладно, дам тебе тот самый большой каштан, ты знаешь такой.

— Ничего мне не надо, — рассмеялся мальчик. — Я просто хотел тебя испытать. Подойти поближе, я скажу тебе на ухо. Подержи фонарик.

Девочка взяла фонарик, а он, сложив руки воронкой, пригнул эту воронку к ее уху, и вдунул в него такое, что сразу его согрело и прозвучало так:

— Думитреску Раду.

Потом быстро отобрал фонарик и спросил:

— Поняла?

— Да.

— Красивое имя?

— Да.

— И длинное, правда? Ду-ми-трес-ку Ра-ду. Скажи и ты.

— Ду-ми-трес-ку Ра-ду.

— Ну как?

— Хорошо.

— Замечательно! — сказал он.

И опять пустился бегом и уже не останавливался до самого дома.

Вся квартира была ярко освещена. Даже ванная и кладовая. Суматоха стояла такая, какой не бывало с того дня, когда все готовились к отъезду на море. На кухне мама гладила и разговаривала с папой, которого там не было и который, по-видимому, был рад, что его там нет, потому что мама говорила ему, что она тысячу раз просила его починить шнур от утюга, но он так и не починил и она должна каждый раз мучиться. Конечно, для починки шнура можно было бы обратиться и в кооператив или попросить соседа, но ей стыдно, потому что муж у нее не музыкант, и не актер, которые ничего не смыслят в технике, а мастер — мас-тер, — а ей приходится напоминать ему тысячу раз починить такой пустяк, как шнур от электрического утюга. Папа, однако, был далеко, в третьей комнате, делал для тетрадей обложки из синей бумаги и советовался с тетей Никулиной, где лучше приклеить ярлыки: посредине или в нижнем углу?

— В верхнем углу, — говорила тетя Никулина.

— Нет никакого смысла клеить ярлык в верхнем углу, — говорил папа.

— Наоборот, как раз там и имеет смысл, — не соглашалась тетя Никулина.

Бабушка приготавливала ванну, следя, чтобы вода была не слишком холодной и не слишком горячей.

— Раздевайся скорей и полезай в ванну, — сказала она. — Оставь этот фонарик и живо купаться!

Потом крикнула маме:

— Голову ему мыть?

— Конечно. Вымой хорошенько, — крикнула в ответ мама.

— И не забывай, что у человека есть еще уши! — крикнул из кладовой дедушка.





— Ты-то уж не вмешивайся, — осадил его бабушка. — Знай свое место, читай «Информацию» и не в свое дело не суйся.

— Я в кладовой, — крикнул дедушка. — Как ты хочешь, чтоб я читал в кладовой газету? Куда ты засунула алюминиевую коробку? В чем малому завтрак взять?

— Ты за него не беспокойся, голодным не останется, — крикнула бабушка.

В общем вся квартира была вверх дном.

Это вечером. А посмотрели бы вы, что было утром!

— Поздно, торопитесь! — говорил дедушка. — Четырнадцать минут восьмого!

— Нет, — противоречил ему папа. — Всего только одиннадцать. Я вчера вечером проверил часы по радио. Меня на заводе отпустили до полдевятого.

— А ранец ему спину натирать не будет? — беспокоилась тетя Никулина.

— Воротничок плохо отглажен, — говорила мама. — Что поделаешь, если испорчен шнур от утюга, и никто его не чинит...

— Я приготовила ему бутерброды и с сыром, и с вареньем. Про запас, — говорила бабушка.

— Положи ему в карман платок, — говорил дедушка.

— Да, не вмешивайся ты, — говорила бабушка. — Положила я ему и платок и все, что нужно.

— По-моему, лучше сделать два букета, — сказала тетя Никулина. — Один из роз, другой из хризантем. А то выходит слишком пестро.

— Что значит пестро? — спросил дедушка, обидевшись, что тете не понравился сделанный им букет.

— То и значит, — сказала тетя Никулина. — Пестро!

— Я ради этой пестроты весь рынок обегал! — сказал дедушка. — И если хотите знать, сейчас уже тридцать две минуты восьмого.

— Нет, — сказал папа, — всего только двадцать девять. Твои бегут. Однако поторопиться не мешает.

Один только он, Ду-ми-трес-ку Ра-ду, стоял среди комнаты в школьной форме, с ранцем за плечами, благоухал мылом и молчал.

— Все готово, — сказала мама. — Идем!

Все заторопились. Впереди выступал дедушка, за ним шагала бабушка, потом тетя Никулина, мама и в хвосте папа. Они уже подходили к двери, когда мама вскрикнула:

— А Дуку забыли!

Ду-ми-трес-ку Ра-ду разбирал смех, но так как никто не смеялся, перестал смеяться и он, а лишь сказал, улыбаясь:

— Вы забыли самое главное!

— Да, — согласился папа, — учеба, мне кажется, начинается сегодня для него. А мы, если подумать, всего только провожаем его в школу...

И все пропустили его вперед, с ранцем за плечами, в новой форме, благоухающего мылом.

Из двери многоэтажного дома была видна школа и было очень странно, что она казалась ближе, гораздо ближе, чем прежде. Это, правда, было очень, очень странно.



Девочка, с которой Дуку играл вчера вечером в аэропорт, стояла посреди тротуара.

— Ты идешь в школу, — сказала она. — И я пойду. В будущем году.

— В будущем году кто не пойдет! А ты сейчас попробуй! — засмеялся он.

— Но мне еще нет семи лет! — сказала девочка. — В школу идут только те, кому семь лет!

— Верно, — сказал мальчик и опять засмеялся: ему пришло в голову, что раз в школу вместе с ним идут и дедушка, и бабушка, и тетя Никулина, и мама, и папа, значит всем им в этот день семь лет!

## ДУРИ

Речь идет о зиме — и он всего лишь вчера вечером выступал в ее защиту. Дядя Матей, который зашел за папой, чтобы вместе идти на завод, ругал ее на все корки:

— Сплошная глупость эта зима. С тех пор как она началась, меня не оставляет в покое ревматизм.

— Это не совсем так, — сказал мальчик. — Есть хорошая сторона и у зимы. Чай, например, зимой больше похож на чай: айва на айву и вообще, когда идет снег, жить становится, будто, веселее.

Но с тех пор прошла ночь и этой ночью зима так набезобразничала, что ее уже ничто не свете не оправдает.

Что ей сделал Дури? Чем провинился перед ней Дури? Он смиренно сидел в своей клетке, клевал семечки, пил воду из блюдечка, а когда его одолевал сон, совал клюв под крыло, закрывал глаза и засыпал. Даже не пел, будучи всего-навсего несчастным щеглом, а только издавал какой-то жалобный писк да и то лишь тогда, когда звонил, пугая его, телефон.

Прошлой ночью Дури закоченел и умер от холода.

Если бы не зима, он не умер бы.

— Не горюй, — сказала мама. — Папа купит тебе другого. Правда, Силе, ты купишь ему другого щегла?



Мама не поняла, что ему другого не нужно, но папа очень хорошо это понимал и потому промолчал.

— Почему ты не скажешь ему, Силе, что купишь другого щегла?

— Потому что не хочу его обманывать.

— Но ты же его не обманываешь, — сказала мама. — Ты правда купишь ему другого щегла, они стоят не так уж дорого.

— Да не в деньгах дело, — сказал папа. — Я могу купить и десять щеглов. Умер Дури, вот в чем беда!

— Может, он и не умер, — сказала мама, — а просто улетел; ты найдешь его на рынке и принесешь обратно.

— Нет, — сказал папа, — Дури умер.

— Как хочешь, — сказала мама. — Дело ваше, вы мужчины. Плачьте и причитайте над ним, если у вас нет других забот. Я не могу опаздывать на фабрику. Поговорим, когда вернусь. Силе, ешь и ложись, ты с ночной смены и устал. Ребенок тоже может еще поспать, а когда встанет, пускай оденется потеплее и идет гулять.

Мама ушла, дома остались отец с сыном.

— Ишь, какое происшествие, — сказал папа. — По дороге домой я думал, как было бы хорошо, если бы пошел снег. И сразу, в тот же миг, действительно повалил снег.

— У Мирчи из третьей квартиры насморк, — сказал мальчик. — Нам не позволяют к нему ходить, но мы притаились у двери и слышали, как он чихает.

— Давно, когда тебя еще не было на свете, — сказал папа, — зимой на улице продавали жареные каштаны. Подержишь их в кулаке и согреешься.

— У грузовиков со стройки на колесах цепи, — сказал мальчик. — Без цепей они вязнут в снегу и не могут ехать дальше.

— Вся улица пахла жареными каштанами. Приятный запах.

— Мы хотим слепить снежную бабу, только не знаем где.

— погоди, сынок, плохо у нас получается. Обоим хочется поговорить об одном, а мы говорим о другом.

— Верно, — согласился мальчик, — нам хочется говорить о Дури, но если мы будем говорить о Дури, я заплачу.

— Надо немножко мужества. Может, нам его еще не хватает, может, нужно еще немного подождать.

— Да. Это наверно так. Нужно еще подождать.

— В таком случае, — сказал папа, — знай, что море зимой не замерзает. Если бы вода в нем не была соленой, оно замерзло бы.

— В таком случае, — сказал мальчик, — знай, что делать восьмерки на коньках совсем не трудно. Я пробовал и не сумел, но понимаю, что это совсем не трудно.

— У нас на заводе один парень купил вечером перчатки и не заметил, что одна рыжая, другая коричневая.

— Знаешь, до чего я додумался? Оказывается, важно научиться считать до ста. А дальше все одно и то же.

— Мы никогда еще не брали отпуск зимой. Я подумываю, не поехать ли нам куда-нибудь и зимой.

— Я думаю, каким я был глупым. Верил, что в коробке телевизора кто-то сидит и заглядывал сзади, старался рассмотреть, как он выглядит. Один раз я даже хотел отдать ему свою манную кашу.

— Ты не думаешь, что пора, наконец, поговорить о том, о чем мы должны поговорить?

— Не знаю, — сказал мальчик. — И да и нет. Начинай ты, папочка.

— Мне хотелось бы, чтобы начал ты. Если тебе хочется, чтобы начал я, значит, еще не настало время. Потерпим еще немного. Могу сообщить тебе, что я читал в газете об одном мальчишке, сыне лесника. Он заблудился в лесу и его нашли только через несколько суток, но с ним ничего плохого не случилось, потому что его согревала и защищала косуля.

— Я могу сообщить тебе, что у меня опять колыхается зуб.

— Не колыхается, а шатается, но это менее важно, чем тот



факт, что существуют острова, которые называются Галапагос, где живут огромные черепахи.

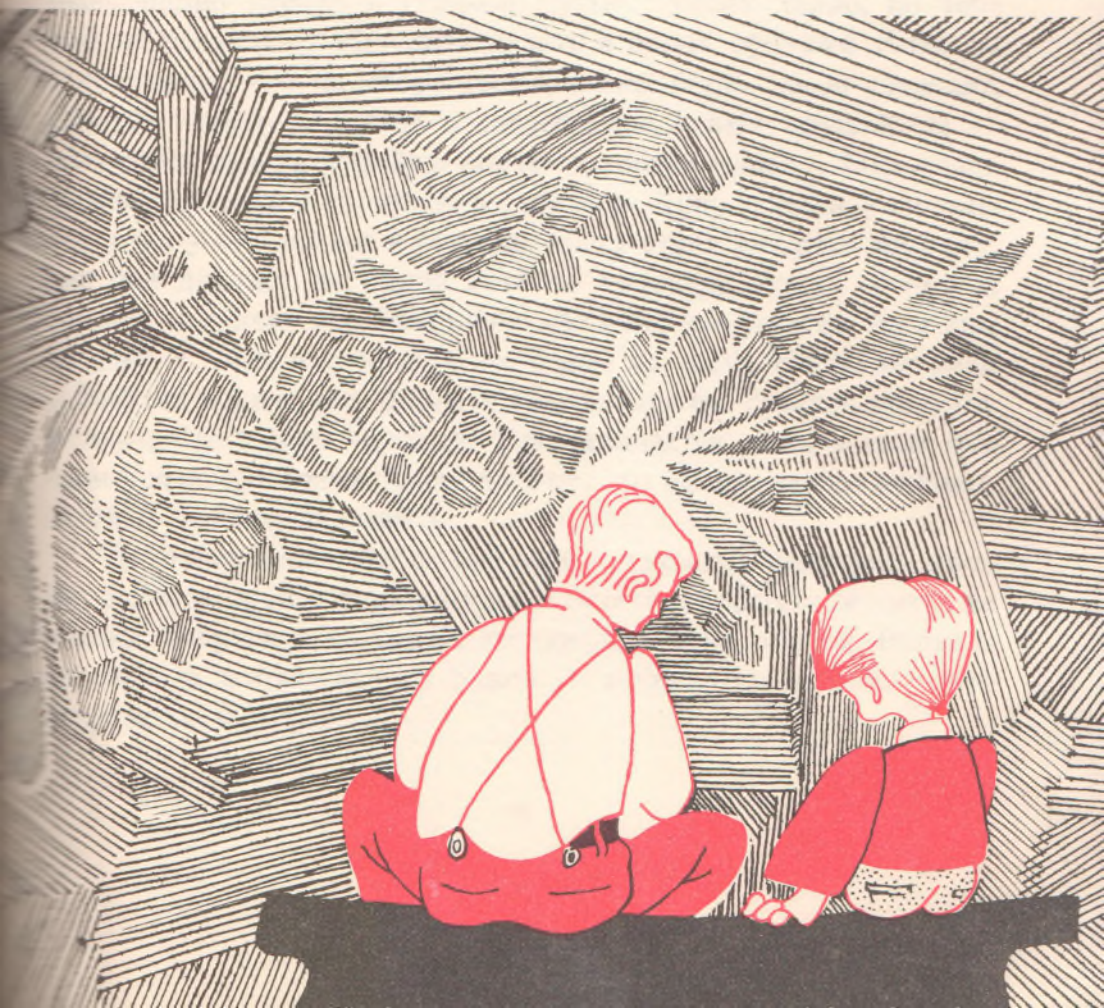
— Я слышал, папа, что кошки не знают как их зовут. Только собаки знают.

— Я слышал, сынок, что летом совсем близко от нас будет строиться школа. Та, другая, тоже недалеко, а эта будет еще ближе. Хорошо, что не забыл тебе сказать, думаю, что это радует тебя.

— Радует, — сказал мальчик, — но я радовался бы еще больше, если бы не эта история с Дури.

— Да, — сказал папа. — Дури умер. Его с нами больше не будет.

— Мама бранила меня, что я плакал.



— Мама торопилась на работу, — сказал папа. — Она не бранила тебя, ей было жаль тебя, что ты плачешь, и хотелось, чтобы ты поскорее забыл о Дури. Но главное не в том, чтобы забыть. Главное — иметь мужество видеть вещи без прикрас.

— Да, мне кажется, что теперь у меня есть такое мужество.

— Я уверен. Мы не должны бояться печальных вещей.

— Да, — согласился мальчик. — Мы ничего не должны бояться. Хочешь есть?

— Я бы, пожалуй, прежде лег, — сказал папа. — Давай-ка ляжем оба и помолчим, пока не заснем.

— Может, когда мы проснемся, будет уже весна, — сказал мальчик, но сам признался потом, что пошутил.



## ЛЕТО

Начиналось лето.

Знаете, как начинается лето: еще весна, но с первого мая прошло уже столько дней, что ты почти и забыл какого цвета был воздушный шар, пущенный тобой там, на площади, где было полно народа и гремела музыка. Весна, тепло, но тебе еще не позволяют выходить играть в одной рубашке. Хотя ты и говоришь, что на дворе тепло, очень тепло, мама отвечает: «Ладно, слышу, приняла к сведению, а теперь слушай ты — потрудись надеть фуфайку, иначе останешься дома». Еще весна, черешни, вишни и абрикосы в саду дяди Дину зеленые и кислые, косточки у них мягкие и горькие, но ты вдруг увидишь Виолету, так она прыгает на одной ноге по тротуару, держа что-то за спиной, и кричит изо всей мочи: «У меня что-то есть, но я вам не дам! У меня что-то есть, но я вам не дам!» Когда все дети соберутся вокруг нее, Виолета показывает им букетик красных, мелких, блестящих черешен. Так начинается лето, а если оно начнется не так, значит, ошиблось оно, ты же ни в чем не виноват, можешь так ему и заявить.

Лето началось в тот самый день — внезапно появилось из-за Виолетиной спины, спрятавшись в букетике черешен, и никто не посмел попросить ни одной ягодки да и сама обжора Виолета не сорвала в букетике ни одной — может, боялась, что лето испугается и уйдет.

— Мне тоже папа принес черешен, — сказал Дуку.

— А вот и не принес! — засмеялась Виолета. — Ступай лучше домой, твой папа с мамой ссорятся, я слышала, как они ссорятся.

Дуку собирался обозвать ее обманщицей, но почувствовал, что не может оставаться там больше ни одной минуты, даже не успеет сказать девочке это обидное слово.

Он со всех ног бросился домой.

Папа с мамой действительно ссорились. Они были на кухне, оба лущили горошек и ссорились.

— Я пожалуюсь на тебя в милицию, — говорил папа. — Ты бросила горошину прямо в кастрюлю и теперь она пошла на дно и, может, потонула.

— А я уйду и брошу тебя одного, — говорила мама. — Виданное ли дело, держать стручок в левой руке и выбирать горошины правой!

— Так знай, товарищ Синий Передник, что я своих привычек не меняю. Можешь уходить, можешь делать, что хочешь. Я поклялся держать стручок в правой руке и выбирать горошины левой. Так я лущил горох всю жизнь.

— Твое дело, только не называй меня Синим Передником, а то я стану звать тебя Полосатой Рубахой.

— Ты смеешь называть меня Полосатой Рубахой?

— Смею. А если хочешь, могу даже называть тебя Рубахой в Желтую Полоску.

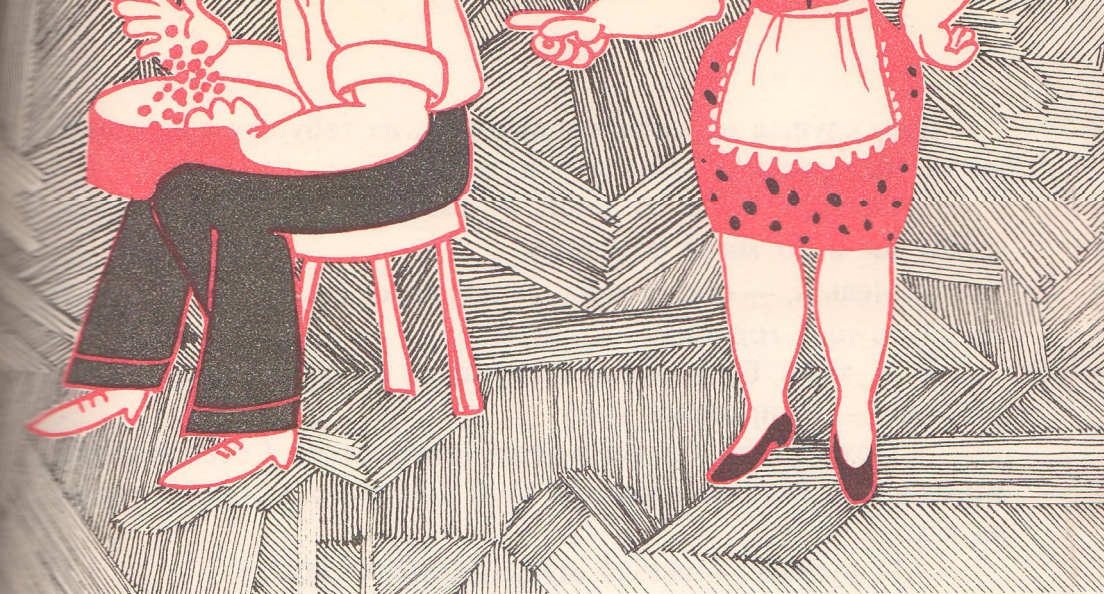
— Ты смеешь называть меня Рубахой в Желтую Полоску?

— Да.

— Ладно. Пожалуйста, приготовь мой маленький чемодан, положи в него два порошка корицы, ложку сахарного песка, щепотку соли и муки сколько поместится. Уйду я! Не желаю больше оставаться в этом доме, где, после стольких лет, стольких дней и ночей, не считая выходных, меня называют Рубахой в Желтую Полоску.

— Ну и уходи. Но маленького чемодана я тебе не дам. Он пластмассовый.





— Пусть будет пластмассовый, все равно возьму.

— Не найдешь. Я спрятала его под кроватью в комнате Дуку, а тебе и в голову не придет, что он там.

— Придет. Я обыщу весь дом, переверну все и в конце концов найду его под кроватью у Дуку.

— Я заберу его оттуда и спрячу в другом месте.

— Интересно знать, где?

— В телевизоре. За бородой капитана Бури.

— Сто тысяч китов! Я найду его и там. Найду, даже если ты спрячешь его в саксофоне того бородатого певца, который выступал по телевидению в прошлую субботу.

— Ты сказал, в саксофоне?

— Да, я сказал в саксофоне. У меня достаточно храбрости, чтобы произнести слово «саксофон». Хочу видеть, что произойдет.

— А то, что ты услышишь еще более веское слово.

— Такого не существует.

— Нет, существует: контрабас.

— Ты сказала «контрабас»?

— Да, я сказала «контрабас». Я тоже храбрая.

Дуку слушал их, сидя, съжившись, на табурете в передней, но не выдержал и пришел в кухню.

— Поссорьтесь и со мной, — сказал он. — Мне хочется, чтобы вы и со мной ссорились.

— Нельзя, — сказал папа, — ссориться имеют право только те, кто лущит горошек.

— Я тоже буду лущить горошек, пустите меня лущить горошек, — попросился Дуку.

— Пожалуйста. Садись и лущи внимательно. Ссора начнется немедленно. Мне не нравится твой нос, потому что он похож на нос.

— И пускай, — сказал Дуку. — Мое дело.

— Послушайте, как он разговаривает, — возмутилась мать. — Ребенку едва минуло шесть лет, всего шесть лет всех дней и ночей, вместе с выходными, а он смеет разговаривать таким тоном о своем носе, смеет разговаривать таким тоном о своем носе!

— Я его накажу, — сказал папа. — Пойду с ним после обеда в зоопарк, покажу ему страуса и скажу, что это бегемот. Детей, которые рассуждают о своих носах, нужно наказывать. Наука на будущее!

Да, началось лето.

Знаете, как начинается лето? Я уже рассказал вам вначале, как оно начинается.

Забыл только добавить, что в этом году оно началось с ссоры.

Может быть поэтому нынешнее лето такое веселое, черешни такие сладкие, а ракушки на море такие соленые. Дуку построил из песка дворец для медуз, но они не желали в нем жить, тогда он, временно, замуровал во дворце мамыны очки и папин портсигар, чтоб они не нашли их, когда выйдут из воды, и снова стали ссориться.

Чтоб снова стали ссориться, чтобы лето длилось долго-долго.



## ЕСЛИ ОН РОДИЛСЯ КРЫЛАТЫМ

Как он оказался на седьмом этаже?

До четвертого этажа еще было нечто, что можно было назвать лестницей. Во всяком случае, все называли это сооружение лестницей. Даже инженер, хотя он обычно и называл вещи своими именами. На четвертом этаже начали работать плотники. А плотники не любят лазить по лесам. Вот они и соорудили для себя некое подобие лестницы. Нечто, что можно было назвать лестницей. Но выше уже не было ничего, по чему можно было бы подняться. Отсюда до седьмого этажа нужно было карабкаться по лесам. Сварщики любят карабкаться. Словно все они родились в горах. Беззаботно посвистывая, они забираются на такие высоты, от одного вида которых у других кружится голова.

И все же он, который не был не только сварщиком, но, по правде говоря, не был даже плотником, добрался до седьмого этажа. Как? Это останется тайной.

Мастер, дядя Фане, только что обругал младшего члена бригады. За что — не важно. Важно было дать парню понять, что это не его ума дело, что он, мастер, знает все и видит все.

Младший член бригады признал его, по своему обыкновению, правым, но — и опять-таки по своему обыкновению, — пробормотал нечто не очень благозвучное, пробормотал просто так — пусть, мол, всем будет известно, что он недоволен... Но не успел он умолкнуть, как дядя Динкэ — тот, у которого на руке был нарисован пароход, — крикнул ему:

— Ты что, парень, в лесу? Здесь люди!

Парень обернулся и действительно увидел в двух шагах от себя, а то и меньше — там, на седьмом этаже, — человека.

И еще какого человека! И какими глазами глядел этот человек на искры сварочного аппарата!

Парень остолбенел. У него упала рукавица и он не нагнулся ее поднять. Маска соскользнула со лба и приплюснула ему нос, но он так и оставил его приплюснутым.

В ту же минуту прекратил работу и мастер Фанэ, а вслед за ним перестали работать и все остальные. Никто не двигался.

Сноп искр угас, и человек огляделся кругом, останавливая взгляд на каждом, словно желая сказать каждому, что он не понимает, почему они побросали работу. По его мнению, ничего необычного не произошло.

Человеку было лет пять или шесть; на нем были красный, забрызганный известкой, похожий на шляпку гриба берет, и штаны с большими карманами спереди, в которые были засунуты его руки.

— Ты, братец, как сюда попал?

Вопрос этот задал дядя Динкэ с нарисованным на руке пароходом, но остальные готовы были побожиться, что услышали собственный голос.

Человек не отвечал. Он не понимал, почему сварщики так удивлены. И не только удивлены. Испуганы. Он пожал плечами и выпятил губы, собираясь что-то сказать, но еще до того, как он открыл рот, мастер был уверен, что человек не в состоянии произнести других слов, кроме «Не все ли равно?.. Я здесь и все. Что вы от меня хотите?»



Но человек улыбнулся и сказал:

— Мне здесь очень нравится.

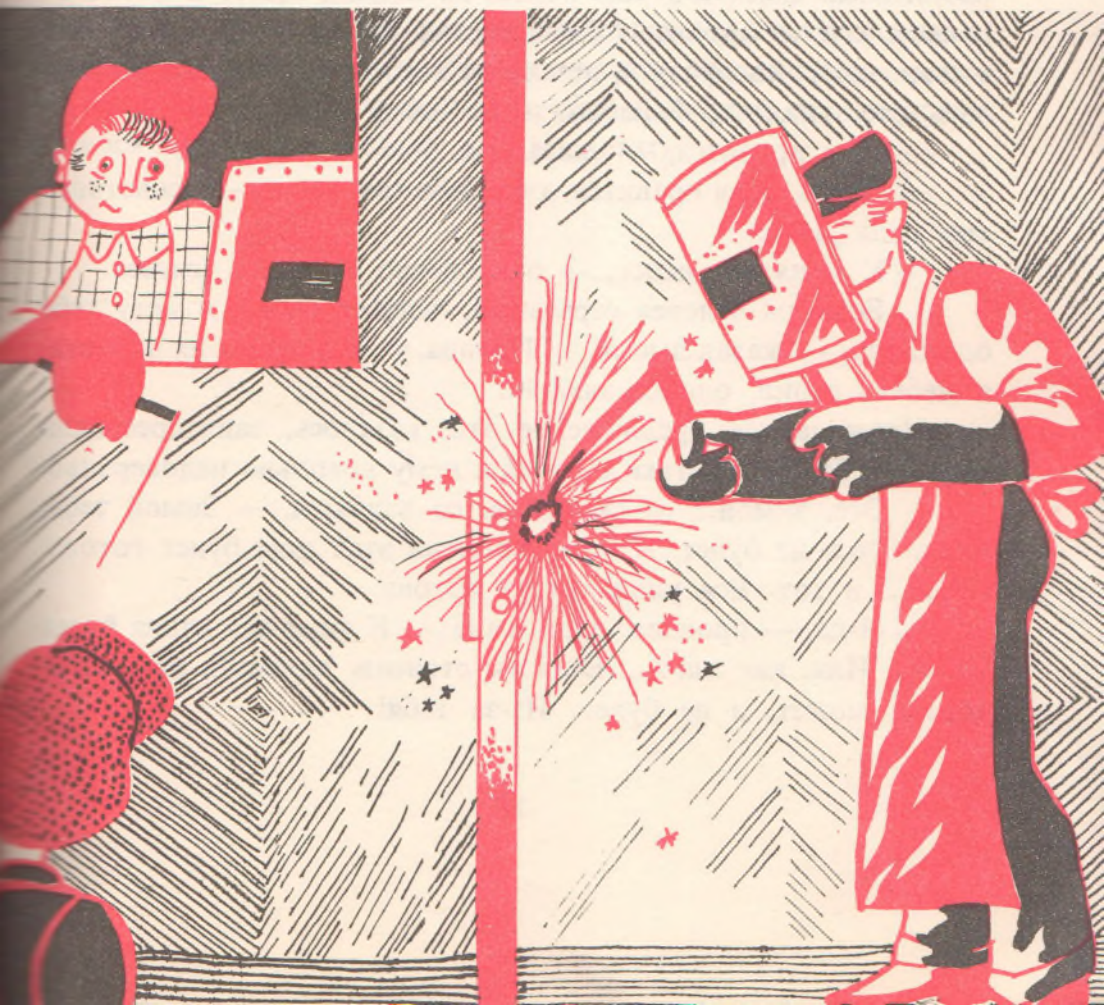
Он вынул руку из кармана и поочередно показывая пальцем на каждого, стал считать сварщиков: начал с младшего и кончил дядей Динкэ.

— Один... два... три... четыре... пять... Четверо без усов и один с усами.

Дядя Фанэ, мастер, опомнился первым. Он сказал остальным:

— Человеку здесь нравится, он и пришел. Вот и все.

Возможно, что после этих слов мастера каждый вернулся бы к своим занятиям, если бы гость сам не придал делу неожиданный оборот. Слегка откинув назад голову и смеясь, он подмигнул дяде Фанэ.



— А что, по-твоему не так? — нахмурился мастер.

— Ага...

Младший сварщик хлопнул себя ладонью по щеке:

— Ты что, смеешь перечить дяде Фанэ? Да известно ли тебе, кто такой дядя Фанэ? Мастер! Когда он скажет слово... Знаешь ты, что это значит, когда мастер скажет слово?

*Человеку*, очевидно, неоткуда было это знать, и он решил, что узнать не мешает:

— Скажи слово, дядя Фанэ, — попросил он.

Один лысый сварщик прыснул со смеху.

— Чего ржешь? — огрызнулся мастер. — *Человек* подумает, что ты смеешься над ним.

— Прости, мастер, оплошал, — сказал лысый и просительным жестом сложил под подбородком руки.

*Человеку* жест этот показался очень смешным и он громко рассмеялся. Смех его был похож на птичий щебет и никто не посмел его остановить. Он перестал смеяться сам, подошел к сварочному аппарату и, присев на корточки, принялся ощупывать его, гладить, барабанить по нему пальцами.

— Мне нравится, — сказал он.

— Что ж, если нравится, купи себе такой же, — посоветовал ему дядя Динкэ.

— У меня нет денег, — откровенно сознался *человек*.

— Если ты человек серьезный, человек слова, я могу тебе одолжить, — сказал лысый. — Правда, у меня сейчас их не густо, я мебель купил, однако, зимой...

Неожиданное предложение это, казалось, заинтересовало *человека*. Но он все-таки отнесся к нему довольно недоверчиво:

— Эге, зимой... — сказал он со вздохом. — Зимой тебя, дядя, здесь не будет. К тому времени этот дом будет готов... и тот... и тот. Вся улица будет готова.

— Н-да, — произнес дядя Фанэ. — К зиме вся улица будет готова. Или, как знать... Если ты станешь занимать нас разговором, может, и не будет. Из-за тебя!



Вся веселость *человека* сразу исчезла.

— Ты это серьезно, дядя Фанэ? — спросил он.

— Дядя Фанэ всегда говорит серьезно, — ответил за мастера младший сварщик.

*Человек* потупился и не поднимал глаз, пока сварщики один за другим — первым дядя Динкэ, потом лысый, потом дядя Фанэ — не принялись за работу. Младший сварщик подошел к *человеку* и ни слова не говоря, надел ему на нос свои дымчатые защитные очки. Большие очки соскользнули ему на подбородок, и *человек* поправил их рукой.

Снопы искр от сварочных аппаратов засверкали снова, наполнив душу *человека* чем-то необыкновенно хорошим и красивым, чего нельзя было выразить словами, но ради чего, он, фактически, и залез на седьмой этаж.

Как он туда залез? Это осталось тайной. Сварщики работали и каждый по-своему думал об этой тайне. Вскоре, однако, все пришли к одному и тому же, самому простому и естественному заключению, которое не требовало никаких объяснений, а должно было быть принято целиком, без оговорок: если человек родился крылатым, почему ему не летать?

## У НАС, КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

...Это был очень красивый, красный трамвай, чуть побольше маленького трамвая, но гораздо меньше большого. Прицепа у него не было, а если и был прицеп, то он, быть может, оставил его в депо. Рядом была шоколадка, завернутая в блестящую бумажку. На бумажке была изображена девочка, и девочка ела шоколадку — разумеется не эту, а другую.

Мальчик, которого все называли Дуку, потому что его имя было Раду, а мама звала его Рэдуку, тогда как сам он, в те далекие времена, когда думал, что творог добывается из вареников, мог произнести только Дуку. Итак, мальчик, которого звали Дуку, протер глаза и решил, что видит сон. Но это был не сон. Он протянул руку и ухватил сначала очень красивый красный трамвай, чуть побольше маленького трамвая, но гораздо меньше большого, у которого не было прицепа, а если и был, то он, быть может, оставил его в депо. Дуку поставил трамвай рядом с собой на подушку, потом опять протянул руку и ухватил шоколадку в блестящей бумажке, на которой была изображена девочка, и девочка ела шоколадку, разумеется не эту, а другую.

— Это для меня? — спросил с опаской мальчик, которого звали Дуку.



— Для тебя, — сказала мама. — Сегодня первое июня — День детей. Мы с папой купили тебе трамвай.

— И шоколадку?

— Шоколадка пришла сама.

— Сама собой?

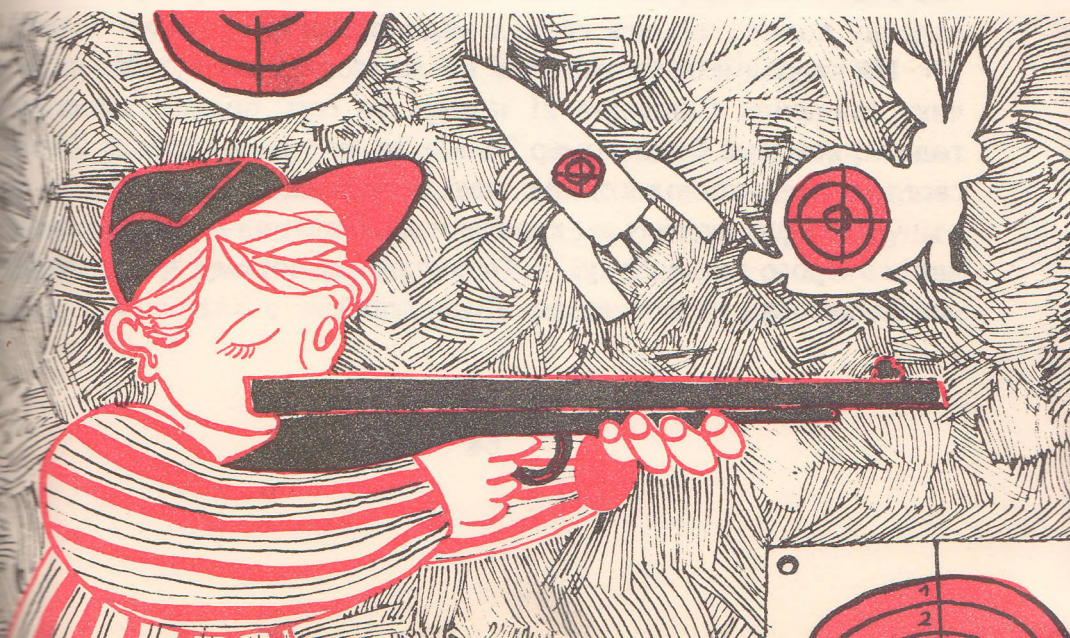
— Ей немножко помог дедушка, — призналась мама. — Шоколадка еще маленькая, не научилась ходить, кто-то должен был ей помочь. Она увидела дедушку... который как раз получил пенсию... и попросила его принести ее тебе.

— И очень хорошо сделала, — сказал мальчик. — Одна она не нашла бы нашего дома. Помнишь, как заблудилась тетя Виорика. К тому же, детям до четырнадцати лет запрещено подниматься на лифте одним.

Но через минуту мальчик уже позабыл о том, как заблудилась тетя Виорика, и о лифте, в который детям запрещено входить без взрослых, и сказал:

— Как хорошо, что сегодня первое июня! Я всегда буду помнить, когда первое июня!

Час был ранний. Первое июня еще только начиналось и собиралось продолжаться до вечера. А до вечера произошло много событий, благодаря которым Дуку долго не забудет этот день. В детском саду он получил книжку с картинками. Книжку с самыми разными картинками и на одной картинке — страшно



смешной слон в галошах и с зонтиком в хоботе. После обеда папа повел мальчика в парк отдыха, где они стреляли из ружья в цель, то есть папа попал в цель, а он немного промазал, но, право, очень немного — чуть-чуть не попал, ему даже показалось, что попал. Впрочем, попадать в цель не так уж важно, главное — стрелять из ружья, так что нечего и хвастаться, что он попал, когда на самом деле ему только показалось, что попал. Короче говоря, он очень хорошо провел время в парке, там было много детей, у одного мальчика была труба, другой, поменьше, хотел ее отобрать, хозяин трубы не отдавал ее, тогда маленький сказал ему: «Ты злой, как черт», хотя всем известно, что черти совсем не злые и даже не черные, потому что их вообще не существует.

Перед сном, уже лежа в кровати и дожидаясь сна, мальчик спросил:

— Сколько мне лет?

— Сегодня тебе исполнилось шесть лет и один месяц, — сказала мама. — Завтра тебе будет шесть лет, один месяц и один день... потом два дня, три... и так далее.

Но мальчик уже не слышал «и так далее». Он заснул, думая о том, как хорошо иметь шесть лет и один месяц; хорошо, что есть первое июня. День детей. Он заснул и ему снилось, как мальчик с трубой стреляет из ружья в цель, в то время, как слон в галошах и с зонтиком вертится вокруг него и кричит: «Эх ты! Промазал! Эх ты!» Человек, выдававший ружья, был не кто иной, как дедушка, который только что получил пенсию и учил шоколадку ходить, продев ей под мышки вожжи.

На второй или третий день после этого мама купила мальчику сандалии. Сандалии 21 номер, то есть больше прошлогодних, которые были номер 20, и в то же время гораздо более светлые, чем прошлогодние, которые были бежевыми.

— Я знаю, почему ты купила мне сандалии, — сказал мальчик, которого звали Дуку. — Ты купила их потому, что сегодня наверное тоже первое июня. День детей.



— Вовсе нет, — засмеялась мама. — Сегодня обыкновенный день.

На четвертый или пятый день в детском саду мальчику сказали, чтоб он принес из дому бутерброды и непромокаемый плащ, потому что все дети отправятся в зоопарк.

— Можно мне взять с собой ножик-рыбку? — спросил один мальчик, которого звали Ионом, и это действительно было его имя.

Потом одна девочка спросила, сколько пар чулок ей надеть, а другая — увидит ли она в зоопарке бегемотов. Только мальчик, которого звали Дуку, ни о чем не спрашивал. Зато он пригласил другого мальчика пойти с ним за кладовую, чтобы сообщить ему один секрет, и мальчик пошел и захотел немедленно узнать, какой секрет.

— А вот какой. Я знаю, почему мы завтра идем в зоопарк.

— Почему?

— Потому что завтра первое июня. День детей.

— Неправда. Завтра вторник. Вот так, просто вторник, без ничего.

На восьмой и девятый день папа принес мальчику, которого звали Дуку, конфет. Кулек с маленькими, как черешневые косточки, конфетами, окрашенными во все цвета радуги, хотя больше всего было желтых, а меньше всего лиловых.

— Спасибо, — сказал мальчик. — Я как раз думал, что ты мне что-нибудь принесешь. По-моему, сегодня должно быть первое июня, День детей.

— Нет, — сказал папа. — Сегодня простой день, как все другие.

Время шло, мальчику исполнилось шесть лет, один месяц и десять дней, потом пятнадцать дней, потом двадцать семь. Однажды мама взяла его кататься на лодке; в другой раз дедушка принес ему живого щенка, который лаял по-настоящему, и не был плюшевым с невесть какой машинкой в животе, потом

соседка повела его в кукольный театр, где он видел пьесу про Аполлодора, где все кончалось на «ор» и потому все смеялись.

И каждый раз мальчик говорил:

— Конечно, сегодня первое июня, День детей.

Но всякий раз кто-нибудь отвечал ему:

— Нет. Сегодня обыкновенный день, день каких много.

Наконец, когда мальчику, которого звали Дуку, исполнилось шесть лет и два месяца и когда папа, придя домой, принес известие, что Дуку завтра уезжает на море, в детскую колонию, мальчик не мог не выразить удивления:

— Как? И завтра не первое июня? И завтра не День детей?

— Нет, — сказал папа. — Завтра день, как всякий другой.

Немыслимое дело! «Если это не так, как я говорю, — подумал мальчик, — значит я ничего больше не понимаю. Значит, я был умнее, когда мне было шесть лет, один месяц и не знаю сколько дней, чем теперь, когда мне шесть лет и два месяца!»

Папа заметил, что нижняя губа мальчика опускается все ниже и ниже, подошел к нему, взлохматил ему волосы и сказал:

— Если хорошенько подумать, ты прав. У нас каждый день — День детей. Ты не ошибся, это виноват календарь. Для детей, чтоб их не путать, нужно выпускать другие календари. На каждом листке должно быть написано «1 июня». И не беда, если это будет путать взрослых. Им такая путаница нравится.



## ПАПА И НЕМНОГО ГРУСТИ

Папа спросил, не сердится ли он, и мальчик ответил, что нет, сердиться ему не из-за чего, ему просто немножко грустно.

— Это совсем другое дело, — сказал папа. — Когда человек сердится, у него есть или, по крайней мере, должна быть какая-нибудь причина для этого, тогда как грусть иногда приходит неизвестно отчего и почему, приходит, не спрашивая человека и, разумеется, не прося у него разрешения, а просто так, чтоб ей пусто было, когда вздумается.

— Да, — сказал мальчик. — Я рад, что она пришла как раз теперь, когда ты дома. А то мама стала бы спрашивать, что у меня болит, не съел ли я чего-нибудь и вообще как я себя чувствую.

— Я тебя ни о чем спрашивать не буду, — сказал папа. — Удовольствуюсь тем, что ты расскажешь сам. Или, еще лучше, давай отправимся куда-нибудь развлечься.

— Куда?

— Куда угодно. Скажем, на Северный полюс. Или, может, ты недавно там побывал и тебе будет неинтересно? Хорошо, что есть еще и Южный полюс.

— Я там никогда не был.

— Это неправда, — сказал папа. — Я помню, мы были там вместе. Помню даже, как ты был одет.

— Как?

— погоди, дай подумать... или, лучше, сам помоги мне вспомнить...

— В синее пальто?

— Как будто.

— И в шапочке с помпоном.

— Во всяком случае, с помпоном.

— И на мне еще был шарф, который связала бабушка, когда ей не хватило шерсти и пришлось распустить варежку?

— Да, совершенно верно, я словно вижу эту распущенную варежку, которая была точь-в-точь похожа на варежку, только, конечно, она была распущенная, то есть вернее смотанная в клубок. Видишь, как ты все помнишь?

— Помню, — сказал мальчик, — что было холодно и очень темно, но у нас с собой был фонарик с маленькой синей лампочкой.

— Стой, стой, — сказал папа. — До фонарика было еще много чего. Сначала мы купили бублики с маком, при виде которых один белый медведь...

— Дай, папочка, я сам... Белый медведь спросил нас, сколько маковых зернышек на каждом бублике. Я их быстро посчитал и сказал ему. Ты еще помнишь, сколько их было?

— Конечно, — сказал папа, — с тех пор я только о них и думаю. На бублике справа было триста пятнадцать зернышек, а на левом...

— ...сто восемьдесят два.

— Три, я очень хорошо помню.

— Два, папочка. Ты забыл.

— Не может быть. Я не мог забыть именно эти зернышки, однако, будь по-твоему, не ссориться же нам из-за такого пустяка.

— А белого медведя звали «гражданин Сметанников», — сказал мальчик.

— Конечно, — сказал папа, — его звали гражданин Простоквашин. Впрочем, ты прав, его звали гражданин Творогов. И что же сделал этот гражданин Сырков после того, как мы с ним ходили на охоту? Держу пари на две зубочистки, одну пробку и капустную кочерыжку, что ты забыл, что сделал тогда этот гражданин Молоков.





— А вот и не забыл. Ты проиграл пари. Помню: этот гражданин Сливкин налепил вареников.

— Ничего подобного, это ты проиграл. Этот гражданин Кефилов налепил вареников.

— И я сказал вареников.

— Сказать может каждый. Нетрудно. Впрочем, будь по-твоему, не ссориться же нам из-за таких пустяков.

— Потом мы встретили там жирафу, — сказал мальчик.

— Жирафы на Северном полюсе не живут, — сказал папа.

— Конечно не живут, да и жирафа, которую мы встретили, там не жила, а пришла туда навестить свою тетю.

— Ах да, я действительно чуть не позабыл о жирафе, которая пришла к своей тете. Какая она была хорошенькая! Интересно, что она теперь поделывает? Тогда она очень мило вязала.

— Жирафы вязать не умеют, — сказал мальчик.

— Разумеется, они не умеют вязать, — сказал папа. — И жирафа, которую мы встретили, тоже не умела, она только держала крючок и все считала — две петли налицо и одну наизнанку.

— Папочка, — вдруг сказал мальчик, — ты знаешь, что вся моя грусть прошла?

— Знаю, — сказал папа.

— А знаешь, почему мне было грустно?

— Этого я уже не знаю.

— Я скучал по тебе.

— Ты хочешь, может, сказать, что скучал по маме. Я ведь был тут. Нельзя скучать по кому-нибудь, кто возле тебя.

— Нет, можно. Когда ты на заводе, я по тебе не скучаю. Жду твоего прихода. Я скучаю по тебе, когда ты дома: скучаю по Северному полюсу, по бубликам с маком и жирафам, которые вяжут...

— Но ты, кажется, говорил, что таких жираф нет, — сказал папа.

— Есть. Есть все, о чем ты говоришь. Хочешь, я покажу тебе одну такую жирафу?

— Конечно, хочу. Можешь даже показать всех.

И мальчик отправился на Северный полюс за жирафой, но по дороге встретился с соседской девочкой и остался с ней играть. Папа был очень усталый и заснул. Примерно через час мальчик нашел его дома спящим — то есть это только так говорилось, что он спит, потому что папа никогда не спал, а лишь лежал с закрытыми глазами и думал о Северном полюсе, о бубликах с маком и жирафах, которые умеют вязать. Папа знал, что грусть — чтоб ей пусто было — иногда приходит, когда меньше всего ее ждешь, не спрашивая человека и, разумеется, не прося у него разрешения, а поэтому и прикидывался спящим, на самом же деле только таился, собираясь поймать даже самую малую капельку грусти и разделаться с нею по-свойски.



## ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ

— Разбилась так разбилась, — сказал Дуку.

— Тебе, я вижу, наплевать, — сказал мальчик, жевавший резинку. — Может, у тебя папа банкир.

— Что значит «банкир»? — спросил Дуку.

— Толстый господин, у которого много денег, — сказал мальчик, жевавший резинку.

— Мой папа — мастер и совсем не толстый. Он как раз такой, каким должен быть папа, — сказал Дуку.

— Он тебя бьет?

— В чем?

— Я спросил, бьет ли он тебя.

— Когда мы играем в трубочиста, бью его я. А в лото он бьет даже тетю Минодору.

— Я спросил, бьет ли он тебя по-настоящему, бац, бац...

— Так ведь он же в десять раз меня сильнее!

— И тебя не бьет?

— Я же говорю, он сильнее меня в десять раз! Разве я бью Дэнуца?

— Какого Дэнуца?

— Один мальчик. У него два зуба. Один наверху, другой снизу.

— Ага, — сказал мальчик, жевавший резинку. — Поэтому.  
— Что? — спросил Дуку.  
— Поэтому тебе и наплевать. Потому что отец тебя не бьет.  
Но теперь, я думаю, он все-таки вlepит тебе пару оплеух.

— За что?

— За то, что разбил бутылку с маслом. Что ты скажешь дома?

— Скажу, что разбилась. Что я споткнулся и упал. Ты же был здесь и видел.

— Если ты это скажешь, немедленно схлопочешь пару оплеух.

— Но ведь так это и случилось. Я споткнулся о камень и упал.

— Надо придумать что-нибудь другое, если не хочешь получить трепку. Камень и падение тебе не помогут. Спроси хотя бы у него.

Речь шла о другом мальчике, у которого был синий шарик и который смотрел на Дуку и мальчика, жевавшего резинку, и ничего не говорил. Мальчик с синим шариком и тут ничего не сказал.

— Ты где шарик достал? — спросил его Дуку.

— Тебя еще шарик интересует? — возмутился мальчик, жевавший резинку.

— Он красивый, — сказал Дуку.

— Дело твое. Я тебе помочь хочу.

— Разбитую бутылку не склеишь, — сказал Дуку.

— Зато я могу тебя научить, что сказать дома!

— Это и я могу, и я могу его научить, — наконец заговорил мальчик с синим шариком. — Лучше всего сказать, что у тебя украли деньги.

— Кто украл? — спросил Дуку.

— Разбойник. Разбойник, у которого один глаз был завязан черной тряпкой. Он тебя пихнул, ты выпустил из руки деньги, он их забрал и удрал.



— История эта не стоит ломаного гроша, — сказал мальчик, жевавший резинку. — Ты должен придумать что-нибудь получше.

— Нет ничего лучше разбойника с завязанным глазом, который отобрал у тебя деньги, — сказал мальчик с синим шариком. — Он был пират.

— В Бухаресте пиратов не бывает, — сказал мальчик, жевавший резинку. — Эта история не стоит ломаного гроша. Тут нужна собака. Овчарка. Со двора на тебя выскочила овчарка, ты испугался и побежал, а когда добежал до магазина, денег в кармане больше не было.

— Где же они были? — спросил Дуку.

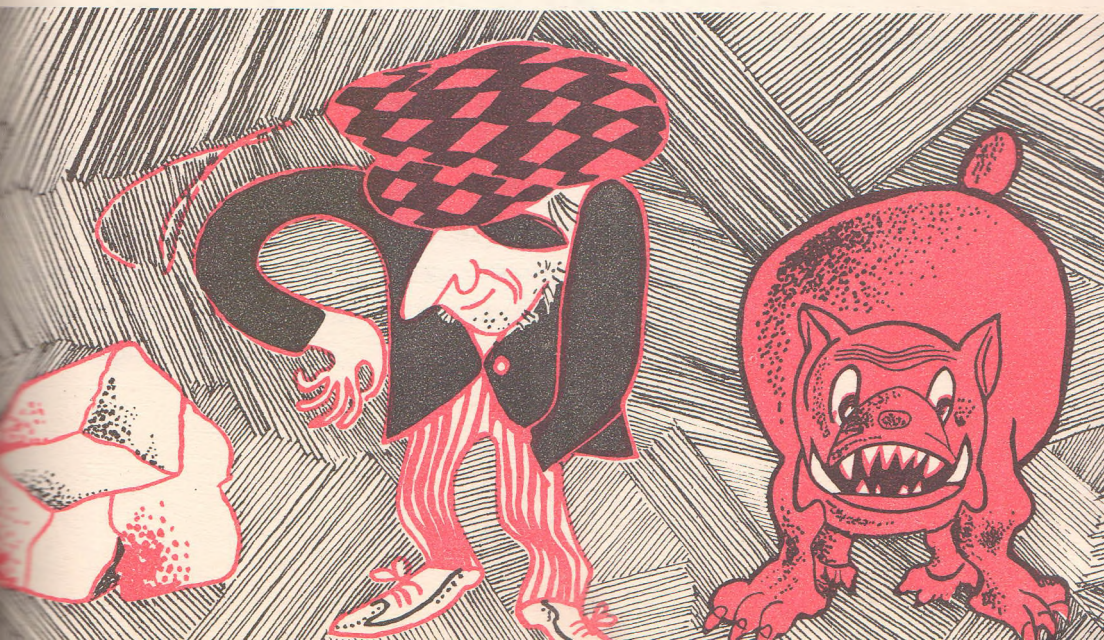
— Не знаю. Упали. Рассыпались.

— Их подобрала овчарка, чтобы купить себе костей, — рассмеялся мальчик с синим шариком. — Никогда в жизни я еще не слышал более глупой истории.

— Сам ты глупый со своим синим шариком, — сказал мальчик, жевавший резинку.

— А еще глупее ты со своей резинкой, — сказал мальчик с синим шариком.

Дуку заторопился. Он ушел домой, так и не выяснив, чья история была глупее.



Дома он вошел на кухню и сказал:

— Мамочка, выбирай, пожалуйста, из трех историй, какую хочешь. Первая: я споткнулся о камень, упал и разбил бутылку с маслом. Вторая: пришел разбойник с завязанным глазом и отобрал у меня деньги. Третья: со двора выскочила овчарка, я испугался и побежал, а когда добежал до магазина, денег в кармане больше не было.

— А тебе какая из них больше нравится?

— Все глупые, — сказал Дуку.

— Первая, пожалуй, меньше других, — сказала мама.

— По-моему, тоже.

— Тогда, — сказала мама, — отбросим остальные, они нас только путают. — Ушибся?

— Немножко.

— Болит?

— Нет.

— Тогда ступай и купи другую бутылку.

Там, на тротуаре, перед бакалейным магазином, мальчик, жевавший резинку, и мальчик с синим шариком играли в «семь камешков».

— Ну как? — спросили в один голос оба.

— Мама выбрала мою историю, — сказал Дуку. — Ваши были слишком глупые.



## «ПОКОЙНОЙ НОЧИ, ДУКУ!»

По вечерам папа занимается рассказами. Или, лучше сказать, папа рассказывает всякие истории. Он рассказывает их Дуку.

Если бы у папиных историй не было начала и середины, а был только конец, они были бы похожи, как две капли воды.

Потому что все заканчивались словами «Покойной ночи, Дуку!»

В понедельник «Покойной ночи», во вторник «Покойной ночи», в среду, четверг и пятницу «Покойной ночи» и в субботу — опять «Покойной ночи».

А в воскресенье? Нет, по воскресеньям папина история заканчивается не так. Потому что она вообще даже не начинается. Воскресенье — день без историй. Папа отдыхает.

Отдыхает, придумывая истории на будущую неделю.

*Понедельник:*

Чтобы рассказать тебе эту историю, мне был бы нужен костюм водолаза. Но я не капризник и потому удовольствуюсь галошами и дождевиком, который, когда его надеваешь, шуршит «фыш-фыш».

В конце концов можно даже ограничиться одним зонтиком...

А если нет, если ты не дашь мне ничего из того, что мне нужно, я сам смастерю себе из газеты капюшон. Или, еще лучше, чтобы не заставлять тебя ждать, расскажу тебе свою историю, устроившись под стрехой...

...Жила-была девочка. Она вышла со своей мамой погулять и увидев в витрине магазина игрушек мячик, сказала:

— Купи мне этот мячик!

Мама ответила ей «не теперь» или «подождешь» или «у тебя и так довольно игрушек». Точно не знаю. Да это и не важно. Важно то, что у мамы была причина не покупать мячика.

Тогда девочка повалилась на тротуар и заревела.

Ревет и ревет, ревет и ревет...

Из ее слез образовалась сначала лужица, потом большая лужа. В лужу пришла барахтаться уточка. Она была благодарна девочке и прокрикала:

— Купите девочке мячик! Купите ей поскорей мячик!

Но так как мама вовсе не торопилась покупать мячик, девочка продолжала реветь. Ревет и ревет, ревет и ревет...

Из ее слез образовался пруд, потом пруд превратился в озеро. В озере резвились всевозможные рыбы и квакали разные лягушки. Рыбы и лягушки были благодарны девочке и кричали:

— Купите девочке мячик! Купите ей поскорей мячик!

Но так как мама все еще не торопилась покупать ей мячик, девочка продолжала реветь. Ревет и ревет, ревет и ревет...

Озеро вышло из берегов и образовало сначала ручей, а потом речку. На берегу речки появилась мельница. Мельничное колесо было благодарно девочке и твердило:

— Купите девочке мячик! Так-так! Купите ей поскорей мячик! Так-так!

Но так как мама даже теперь не желала покупать мячик, девочка продолжала реветь. Ревет и ревет, ревет и ревет...

Речка росла и превратилась в могучую реку, воды которой



сформировали море.

В море жили устрицы и медузы. Очень много медуз и все больше и больше устриц.

Устрицы и медузы были благодарны девочке и кричали: — Купите девочке мячик! Купите ей поскорей мячик!

Но мама их словно не слышала.

И девочка продолжала реветь. Ревет и ревет, ревет и ревет...

В конце концов море превратилось в океан.

Понятия не имею, как это произошло, но или у девочки не хватило слез для настоящего океана, или они не были достаточно солеными, какими должны быть воды настоящего океана — право не знаю. Знаю только, что океан получился не таким, как полагается.

И вдруг из волн поднялась голова возмущенного кита.

Потом из волн поднялась голова возмущенного белого медведя.

— Кто сделал этот океан? Что за издевательство?! Не океан, а гадость. Дайте нам жалобную книгу! Чтоб немедленно явился заведующий! Кто осмелился сделать для нас этот океан, слишком теплый и недостаточно глубокий, в котором соли не больше, чем в диетическом супе? Ты? — накинулись они на девочку. — И все из-за мячика?

Кит в ярости открыл пасть.

Дальше я уже не знаю, что произошло. Может быть, ничего. Мне бы хотелось, чтобы ничего не произошло. Разве не довольно того, что было?

Я, сидя под стрехой, думаю, что довольно.

Думаю, что довольно, и собираюсь сделать себе капюшон из газеты. Думаю, что довольно и что мне очень пригодился бы зонтик.

Думаю, что довольно, и после истории о девочке я только мечтаю о галошах и дождевике, который шуршит «фыш-фыш».

Или ты, быть может, дашь мне костюм водолаза?..

## Вторник:

Однажды, наводя чистоту в квартире, наша метла посмотрелась в зеркало и увидела, что у нее есть хвост.

— Вот те на! — сказала она себе. — Я тут надрываюсь, подметаю пол, когда на самом деле я — лошадь и могла бы резвиться в поле!

В общем она бросила мусор посреди комнаты и отправилась резвиться в поле.

Там она встретила настоящую лошадь, которая паслась. — Что поделываешь, сестрица? — спросила ее метла.

— Пасусь.

— Не знаю этого слова. Что оно означает?

— Ем траву.

— А я почему не ем?

— Значит, не голодна.

— Верно. Я совсем не голодна. Мне хочется резвиться.

— Мне тоже. Но сейчас мне некогда. Попасусь, потом повезу воз дров.

— Это трудно — везти воз дров?

— Попробуй!

Воз был недалеко. Метла впряглась в него и начала тужиться. Раз натужилась, два... десять раз. Тужится и потеет, потеет и тужится. Воз ни с места.

— Воз этот никуда не годится, — сказала лошади метла. — Удивляюсь, что ты тратишь на него время!

— Нет, воз хорош. Это ты не умеешь его везти.

— Ну вот еще! Как не уметь, когда я — лошадь! Не видишь разве, что у меня хвост?

— Вижу, что у тебя хвост, но воз ты везти не можешь. Не верится мне, что ты лошадь.

— А что же я, по-твоему?

— Почем я знаю? У рояля тоже один конец вроде хвоста!



— Значит я, наверно, рояль, — сказала метла. — И это даже к лучшему. По крайней мере, не надо потеть, тянуть воз. Стоишь себе весь день, ничего не делаешь, только на стенки глядишь.

...Так наша метла очутилась в концертном зале.

Здесь она встретила рояль, который играл.

— Ты, братец, что делаешь?

— Разучиваю экзерсисы.

— Не знаю этого слова. Что оно означает?

— Готовлюсь к концерту. Если тебе интересно, это Концерт соль мажор.

— И трудно это?

— Очень трудно.

— Значит не для меня.

— Охотно верю. Ты ведь не рояль.

— Ну вот еще! Разве не видишь, что у меня хвост?

— У девочек косички — тоже вроде хвоста. Они заплетают волосы в косичку и им это очень идет.

— Так и мне очень идет, — сказала метла. — По-моему, я тоже девочка. И это даже к лучшему! По крайней мере, ни к каким концертам готовиться не надо. День-деньской бездельничаешь, играешь.

...Так метла очутилась на квартире у наших соседей. Здесь она встретила девочку, которая училась.

— Что поделываешь, сестрица? — спросила ее метла.

— Решаю задачу.

— Не знаю этого слова. Что оно означает?

— Ломаю себе голову, стараюсь узнать, сколько яблок осталось в кулке, если сначала их было семнадцать, а один мальчик съел сперва четыре, потом еще три.

— Но ведь это очень трудно!

— Не для меня. Может, для тебя!

— Но ведь я тоже девочка. Разве не видишь, что у меня хвост, как у тебя?

— И у лошади — хвост.

— Верно, но лошадь должна тянуть воз...

— И у рояля один конец вроде хвоста!

— Верно, но рояль должен играть на концертах.

— Понятно. Ты ничего не желаешь делать...

— Ничуть. Я хочу просто *быть*. Значит, по-твоему, я что?

— Можешь обижаться, — сказала девочка, — но я точно тебе отвечу: ты просто лентяйка!

...В результате, мы купили себе пылесос. Одно удовольствие смотреть, как он работает. За несколько минут вся квартира сверкает, как только что вымытый стакан!

Только нынче утром, наводя в квартире чистоту, наш пылесос посмотрелся в зеркало и прыснул со смеху.

— Чего смеешься? — спросил я его.

— Смешно, потому и смеюсь! Мой шланг похож на хобот.

— Час от часу не легче! — чуть не подскочил я. — Уж не собираешься ли ты вообразить, что ты поэтому слон, и отправиться в цирк?

Но пылесос даже не дослушал меня до конца. Он спешил. Часы показывали половину восьмого, а утренние представления в цирке начинаются ровно в восемь.

### *Среда:*

Из всех рассказанных мною историй больше всего мне нравится эта.

Смотри, я еще даже как следует не начал ее, а уже увлекся. Называется она «Шоколадка с орехами»... Гм! Что ты сказал? Замечательное заглавие? Пускай другие рассказывают о «рыбьем жире» или об «английской соли». Это их дело! Заглавие моей истории «Шоколадка с орехами», и что бы ни случилось, я его не перемену.



Однако — чуть не забыл — мне не хочется, чтобы ты подумал, что речь идет о той маленькой, крохотной шоколадке, которой едва хватает на зубок. Нет. Я не стал бы беспокоиться из-за такой пустяковины, в которой, когда ее раскусишь, можно найти всего только крошку ореха. Кутить, так кутить! Моя история будет о большой, серьезной плитке с двумя-тремя дюжинами орешков... Иначе зачем было бы радоваться при виде этой шоколадки девочке в голубом переднике? Потому что — опять чуть не забыл — шоколадку эту, которой посвящена моя история, я подарил девочке в голубом переднике. Девочка в голубом переднике поблагодарила меня и вышла с ней на двор. Здесь, разумеется, она собиралась ее съесть, потом обвернуть себе серебряной бумажкой зубы, как верхние, так и нижние.

Но, спустившись по лестнице, девочка в голубом переднике встретила с мальчиком в белом переднике.

— Как поживаешь, мальчик в белом переднике? — спросила девочка в голубом переднике.

— Хорошо. Полил сад. Розы, пионы и гвоздики. Видишь, даже забрызгал немного сандалии.

— Если так, получай кусочек шоколада!

Потом, еще в дверях, она встретила с девочкой в желтом переднике.

— Где ты была, девочка в желтом переднике? — спросила ее девочка в голубом переднике.

— В булочной. Купила хлеб для всех соседей. Для соседей справа — круглый, хорошо подрумяненный хлеб. Для соседей слева — плетенку. Для верхних соседей — три булочки и один бублик. Для нижних — три бублика и булочку. И чтоб тебе было известно, по дороге я не откусила ни одной хлебной корочки и не слизала ни с одного бублика мак.

— Если так, получай кусочек шоколада!

Далее, против росшего посреди двора каштана, девочка в голубом переднике встретила с мальчиком в сером переднике.

— Что скажешь, мальчик в сером переднике? — спросила его девочка в голубом переднике.

— Чак-пак! Я был у зубного врача и он вырвал мне зуб. Гм? Ты, может, думаешь, что я вопил, плакал и брыкался? Так нет. Я не вопил, не плакал и не брыкался. Только раз вскрикнул «Ай!» и все.

— Если так, получай кусочек шоколада!

В общем, от целой плитки остался всего один кусочек шоколада. Девочка в голубом переднике хотела его съесть, но как раз в эту минуту мимо нее прошла девочка в оранжевом переднике.

— Что нового, девочка в оранжевом переднике? — спросила девочка в голубом переднике.

— Нового? Ничего. Ты, случайно, не видела рыжего кота с привязанным к хвосту огурцом? Это я его привязала. Не думай, что это было легко. Я порядочно с ним помучилась.

— Если так, то этот кусочек шоколада съем я сама!

И съела. Шоколад растаял у нее во рту, хрустнули орешки. Потом девочка обвернула серебряной бумажкой свои зубы, как верхние, так и нижние.

Я нашел ее у ворот. Она смеялась, показывая серебряные зубы. Я принес ее смех в твою комнату, чтобы составить мне компанию, пока я буду рассказывать тебе эту историю.

Историю про шоколадку с орехами.

*Четверг:*

Запомните, пожалуйста, этот адрес!

Запишите себе, пожалуйста, этот адрес!

Улица Аспирина, дом № 33.

Повторяем:

Улица Липового чая, дом № 44.

Здесь живет доктор Термометр.



Часы приема: каждое утро от 6 до 8 вечера и каждый вечер от 7 до 9 утра. В неотложных случаях находится в распоряжении пациентов также ночью, ежедневно от 2 до 4, кроме выходных и рабочих дней.

Запомните, пожалуйста, эту фамилию!

Запишите себе, пожалуйста, это имя!

Доктор Термометр.

Специалист по чохам — малым, средним и большим.

Специалист по икоте — зеленой, синей и оранжевой.

Специалист по болезням всех размеров и цветов.

Однажды утром сюда пришел коренной зуб.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер!



- Доктор. у меня болит...
- Что у вас болит?
- Кажется горло.
- Наверное?
- А может, живот.
- Точно?
- Возможно, что пятки.
- Вы рентгеновский снимок делали?
- Конечно. Я делаю рентгеновские снимки три раза в день.
- Температура у вас есть?
- Нет, но если нужно, думаю, что достану.
- Меня интересует ваша температура.
- У меня она была, но я ее где-то посеял. Она была очень небольшая.
- Какая именно?
- Совсем маленькая. Даже в лифт ее одну не пускают.
- Когда у вас болит, то как болит?
- О! Когда болит, то болит очень сильно.
- А когда не болит?
- Когда не болит, то гораздо меньше.
- Вас случайно током воздуха не просквозило?
- Каким током? Есть ток в 120... и в 220 вольт...
- Неважно.
- Не помню. Обычно я записываю все, чтобы не забыть, но про это забыл записать.
- Вы сладости едите?
- Если угостите.
- В общем, картина для меня ясная. Первым делом я вас запломбирую.
- Не знаю этого слова...
- Прошу отнестись с полным доверием: я его знаю. Даже очень хорошо знаю.
- А потом?



— Потом я вас одену. Всем, что нужно, чтобы вам не было холодно.

— Пальто, если вам все равно, я хотел бы на три пуговицы.

— Мне безразлично, но я одену вас не в пальто.

— Вы подумываете о дождевике, который шуршит «фыш-фыш»?

— Я не могу вам сказать, о чем я думаю.

— Извините меня, но я все же должен знать. Речь идет о моем здоровье.

— Очень сожалею, но я, право, не могу вам сказать, о чем я думаю. Не настаивайте.

— Я не настаиваю.

— Прошу заходить.

— Когда?

— Когда угодно.

— В каком часу?

— Час не имеет никакого значения.

— Хорошо, доктор. Благодарю вас. До свидания!

— До свидания!

Запомните, пожалуйста, эту фамилию!

Запишите, пожалуйста, это имя!

Доктор Термометр!

Специалист по болезням всех размеров и цветов.

Адрес не забыли?

Улица Аптечной ромашки, дом № 55.

Повторяю:

Улица Пирамидона, дом № 66.

Сегодня тут побывал мальчик, которого зовут Дуку. Сначала он не хотел идти. У него болел зуб, но идти к зубному врачу он не хотел. Боялся. Почему он боялся? Кого боялся? Он твердил одно:

— Боюсь, папочка.

— Кого ж ты боишься? Чего боишься?

— Не знаю. Но боюсь.

— Может, ты боишься доктора Термометра, — сказал папа.

— Кто такой этот доктор Термометр?

— А! Ты его не знаешь?! Почему сразу не сказал?.. Так я как можно скорей тебя с ним познакомлю... Дорогие товарищи, представление начинается! Слушайте меня внимательно, слушайте меня с величайшим вниманием! Запишите адрес! Запишите фамилию!

...И дальше последовало все, что вы только что прочли.

### *Пятница:*

Немногие, дорогой мой, очень немногие способны отличить кота от тигра. Одни говорят, будто тигр больше. Не верь! У меня был такой здоровый кот, что все принимали его за тигра, а в цирке я видел такого тщедушного тигра, что зрители толкали друг друга локтями и смеялись над ним, как над жалким котенком. Другие утверждают, будто коты ловят мышей. Не верь! У меня был кот, который за свою жизнь не поймал ни одного мышонка, и я слышал о тигре, который за завтраком, обедом и ужином на первое, второе и третье ел столько мышей, сколько ему удавалось поймать, а которых не удавалось, он видел ночью во сне. А некоторые говорят, будто тигр лют и кровожаден. Не верь! У меня был кот, который укусил мне палец и исцарапал нос. В тот же день я побывал в зоопарке и беседовал с одним тигром самым дружеским образом, угощал его бубликами и рассказывал ему анекдоты про слонов и крокодилов. Он слушал их, помирая со смеху, а когда я уходил — поверь, я не хвастаюсь — дал мне понять, что я самый симпатичный рассказчик из всех, кого он знал.

Это, дорогой мой, сущая правда: немногие способны отличить кота от тигра. Да и мне самому это очень трудно, однако,



в конце концов, я все же с честью выхожу из положения. И вот как:

Иду я, скажем, по улице. Вдруг из-за угла прямо на меня выскакивает нечто, похожее на большого кота, хотя с таким же успехом это мог бы быть и маленький тигр. Я подхожу и здороваюсь. У меня, еще с детства, всегда есть про запас несколько — десяток или даже дюжина — приветствий, от «Доброго дня» до «Здравствуйте!» Остается лишь выбирать. Допустим, что на этот раз я выбрал:

— Добрый день!

Кот или тигр — еще неизвестно — может ответить мне, а может и не отвечать. Если ответит, все ясно: я имею дело с вежливым котом или тигром. Не ответит, тоже ясно: я имею дело с плохо воспитанным тигром или котом. В первом случае, дети, выйти из положения очень нетрудно. С вежливым я сразу нахожу общий язык, чувствую себя непринужденно в его обществе, и без всякого стеснения задаю ему вопрос:

— Скажите пожалуйста, чем вы, собственно, занимаетесь? Или, вернее, кот вы или тигр?

Допустим, что он ответит:

— Я кот...

Верю ему на слово, благодарю за сообщение и задерживаюсь на несколько минут для приятной болтовни. Услышав же в ответ: «Я тигр...», ускоряю шаг, а благодарность за сведения предпочитаю передать по телефону. Какими бы прирученными ни были тигры, осторожнее, по-моему, разговаривать с ними на расстоянии!

Значит, в том случае — повторяю, — когда речь идет о вежливом коте или тигре, я довольно сносно выхожу из положения.

Но что делать, когда тигр или кот плохо воспитаны?

Ты его приветствуешь, а он морщит нос.

Ты спрашиваешь, как его зовут, а он показывает тебе язык.

Ты интересуешься, как он поживает, а он следит за воробьями.

Очень, очень сложное положение! Что бы я ни делал, как

бы ни старался, к каким бы уловкам ни прибегал, ничего не помогает. Столковаться с плохо воспитанным котом или тигром нет возможности и мне ничего не удастся о нем узнать. Тигр? Кот?

Хочешь, я признаюсь тебе кое в чем?

Честно говоря, меня это даже не интересует! Что кот, что тигр, что пингвин, что белый медведь или желтый гиппопотам с голубыми крапинками — не все едино?!

Главное, с моей точки зрения, что он плохо воспитан.

То-то и оно!

*Суббота:*

У нас есть щенок. Наконец-то у нас опять есть щенок.

Прежний испортился. Зеленая шкурка на нем лопнула, из живота постепенно вылезла вся солома. Жаль. Такой послушный был щенок. Посадишь его на шкаф, он сидит на шкафу. Посадишь на телевизор — сидит, не шевелясь, на телевизоре. И никакая, даже самая скучная передача не сдвинет его с места. Не лает, не рычит, ничего не грызет.

Это — прежний. А посмотрели бы вы на теперешнего!

Серьезно, дети, стоит на него посмотреть!

Но первым делом расскажу вам, как это произошло, что у нас опять завелся щенок.

Прежний, как я уже говорил, вышел из строя. Из его живота начала сыпаться солома, которая валялась повсюду. Я находил ее у себя в кровати. Находил в карманах. Находил солому — прошу поверить — даже в супе. Чтобы не находить соломы в туфлях или блинчиках, я взял щенка за одну из его задних лап и выкинул в ящик со всяким барахлом.

Но мы привыкли к нему и жить без щенка было скучно. Так что решили купить другого. Зеленый щенок у нас уже был, и потому, с общего согласия, мы остановились на голубом.



Сказано — сделано.

Мы вошли в магазин и попросили продавщицу:

— Дайте нам, пожалуйста, голубого щенка.

— Сейчас, — ответила продавщица и принесла нам красного слона.

— Очень миленький слон, — сказали мы, — но мы не хотим слона, потому что у слонов никогда не знаешь, где хвост, где голова.

— Но это же очень просто. Где хобот, там и голова.

— Может быть, просто для вас. Мы же как раз этого не умеем: отличить хобот от хвоста.

— Что там ни говори, хвост есть хвост!

— Вы несомненно правы, но признайтесь все же, что хобот так похож на хвост, что могут возникнуть затруднительные положения. Мы привыкли к щенкам и просим вас дать нам голубого щенка.

— У нас только желтые.

— Давайте желтого.

Она принесла нам лилового щенка.

— Он как будто не совсем желтый! — сказали мы.

— Он лиловый.

— Да это, кажется, и не щенок, — сказали мы.

— Наоборот. Кот.

— Тогда он нам, с сожалением, ни к чему.

— Как ни к чему? — удивилась продавщица. — А что вы, собственно, собирались с ним делать?

— Дать ему, например, кличку Азорика.

— Можно. Зовите его Азорика.

— А он будет отзываться?

— Нет.

— Видите? Щенок отозвался бы.

— Отозвался бы только настоящий щенок. Только настоящий.

— Так мы же и хотим настоящего. Нам фальшивые надоели.

— Таких мы не держим. Поищите в другом месте.

И мы искали. Искали, пока не нашли.

Нашли того щенка, который теперь у нас.

Он все грызет. Рычит. Лает. Ни минуты не сидит там, куда его посадишь.

Зато он живой. Он начал к нам привыкать, узнавать нас. Радует, когда мы приходим, когда мы лохматим ему шерстку.

Хватает нас за брюки. Таскает наши туфли по всему дому. Вырвал все цветы в нашем садике.

Зато он живой.

Ест; спит; бегает; скулит, когда ему холодно или когда мы ненароком наступаем ему на лапку; виляет хвостом, когда ему нравится еда; виляет хвостом, найдя мячик, с которым он играет...

Он — живой!

Под белой шкуркой у него бьется маленькое сердце. Мы чувствуем, как оно бьется, когда мы берем щенка на руки.

Поэтому мы и дали ему кличку «Сердечко».

Кто-то сказал, что это не кличка для щенка.

И в самом деле: для плюшевого щенка с соломой в животе это действительно не кличка.

Но наш щенок живой, живой, живой!

Только что не говорит. Впрочем, когда-нибудь, в один прекрасный день, может, и заговорит.

А пока мы довольны и тем, что он живой.



## ЧАС, КОГДА БАБУШКИ УЛЫБАЮТСЯ

Я подозреваю, что вы не забыли многоэтажного дома, где живет Дуку. Это — второй дом слева за магазином, где продается всякая всячина, а когда идешь с противоположной стороны улицы — девятый справа, если собьешься со счета, и точно седьмой, если считать правильно. Он выкрашен в голубую краску или, вернее, немножко зеленую.

Так вот, дети из этого многоэтажного дома знали необыкновенную игру. Соберутся на дворе, скажем трое, но с таким же успехом их может быть четверо, а то и все восемь. Число не имеет значения. Один из них — девочка или мальчик — говорили нарочно басом, чтобы было как можно больше похоже на бабушку:

— Изволь пить молоко. Долго ли мне бегать за тобой с чашкой?

Остальные по очереди отвечали тоненькими голосками, чтоб они как можно больше походили на их собственные:

— Не хочу.

Или:

— Я не люблю молока. Дай компоту!

Или:

— Молоко это белое. И вчера было белое, и позавчера. Надоело.

Потом мальчик или девочка, подражавшие голосу бабушки, говорят:

— Хватит капризничать. Я занята. Пей скорей молоко и покончим с этим делом!

Остальные на этот раз не отвечали. Но каждый делал что-нибудь такое, чтобы было ясно, что бабушкины слова вошли им в одно ухо и вылетели в другое.

Например:

Один мальчик глядел в небо и корчил рожу. Какая-нибудь девочка принималась прыгать на одной ноге.

Другой мальчик свистел.

Другая девочка хватала зубами воротничок своего платьяца и начинала его жевать.

Когда кончалось и это, все хохотали до упаду.

Согласитесь — это замечательная игра. И простая, и научиться ей легче легкого!

Посмотрите, однако, что произошло в один прекрасный день.

В их дом переехал мальчик, который этой игры не знал. Дети думали, что знал, а он понятия о ней не имел. Позвали его играть. И он, понятия не имея об игре, все перепутал.

Когда девочка, говорившая басом, чтобы быть как можно больше похожей на бабушку, сказала: «Изволь пить молоко!», новенький мальчик быстро ответил:

— Сейчас выпью. Вот только вымою руки и выпью.

Дети удивленно переглянулись, потом всем скопом набросились на новенького мальчика:

— Так не годится, ты должен отвечать, как дома, а не то, что придет тебе в голову. Давайте еще раз!

Девочка снова, чтобы быть похожей на бабушку, произнесла басом:





— Изволь пить молоко!

— Я уже выпил, бабушка. Посмотри в кружку, — ответил новичок.

И снова дети удивленно переглянулись и снова напустились на новенького мальчика:

— Ты ничего не понял. Это такая игра, в которой нужно говорить правду. Как ты говоришь дома. Понял?

— Понял, — сказал новенький мальчик.

— Тогда, смотри не сбивайся. Начинаем снова. Раз, два, три!

— Ты молоко пить не собираешься? — спросила девочка басом, чтобы быть как можно более похожей на бабушку.

— Собираюсь, отчего нет, — ответил новичок. — Выпью поскорей и пойду на двор играть. Я дома всегда так говорю. Нравится — хорошо, а нет, так ничего не поделаешь.

В общем, новенький мальчик вышел из игры. Дети продолжали играть без него, но уже без всякой охоты и никто в конце больше не смеялся. А если в конце игры никто больше не смеется, какой, спрашивается, смысл играть? Игру прекратили.

Зато с тех пор все бабушки в многоэтажном доме, где живет Дуку, каждое утро, в половине восьмого улыбаются. Можете прийти и убедиться. Надеюсь, вы не забыли, какой это дом. Второй слева или седьмой справа — смотря по тому, с какого конца улицы вы идете. Но пожалуйста, приходите точно в половине восьмого. Это — час молока в чашках и улыбающихся бабушек.



## СЛОВНО ЧТО-ТО ВСЕ-ТАКИ ОСТАЛОСЬ

Это может случиться со всеми. Каждый может ушибить или уколоть себе палец.

Немного поболит и пройдет.

Хуже то, что час или два, а то и день или даже два, придется держать руку больным пальцем вверх. Час, другой; день или два ты все время, как будто, показываешь что-то этим пальцем.

Приходит к тебе, например, Виолета и спрашивает:

— Что?

Ты смотришь на нее и ничего не понимаешь.

— На что смотреть?

— Как на что смотреть?

— Что ты мне пальцем показываешь?

— Ничего я тебе не показываю.

— Тогда зачем же ты его так держишь?

— Я его не держу. Он сам держится.

— Хочешь, я тоже буду держать так палец?

— Держи, если хочешь.

— Ты думаешь это очень трудно — держать палец вверх?

— Кто сказал, что это трудно?

— Я вижу, ты задаешься со своим пальцем.

Что ей ответить? Что можно в таких случаях ответить? С этой Виолетой каши не сварить. Достаточно держать палец вверх, чтобы она тоже захотела держать палец вверх или бросила тебе в лицо, что ты задаешься со своим пальцем.

Идешь к маме и просишь ее забинтовать тебе палец.

— Болит? — спрашивает мама.

— Нет.

— Тогда бинтовать не стоит. И крови нет. Не надо никакого бинта.

— Мне хочется все время держать его вверх.

— Очень хорошо. Держи его вверх и больше ко мне не приставай, у меня, как видишь, и так довольно дел.

— Можно, я забинтую его сам?

— Делай что хочешь, только не переворачивай всю квартиру вверх дном. Я только что за тобой прибрала.

Входишь в ванную, открываешь белый аптечный шкафчик и находишь там бинт. Начинаешь обматывать им палец, но дело на лад не идет. Одной рукой неудобно.

Идешь с бинтом к маме.

— Сам не могу.

— Мне некогда заниматься пустяками, — говорит мама.

— Пожалуйста, помоги мне. Хоть немножко.

Наконец палец забинтован. На конце его даже есть бантик. Но прежде чем увидеть этот бантик, тебе приходится выслушать немало неприятных вещей.

— Вечно ты ко мне с чем-нибудь пристаешь, — говорит мама. — У тебя и игрушки, и цветные карандаши, — продолжает она. — Можешь пойти на двор поиграть с детьми, а ты вместо этого отрываешь меня от дела.

Мама говорит и говорит, а ты молчишь, должен молчать, иначе рискуешь остаться с незабинтованным пальцем.

— Бинт не игрушка, — говорит мама. — Лезет тебе в голову всякая чушь, — продолжает она. — А виной всему твой отец, который всегда тебе потакает.



Говорит и говорит, а ты молчишь, иначе рискуешь остаться с незабинтованным пальцем.

Но все на свете имеет конец; мама завязывает на пальце бантик; ты говоришь «спасибо»; мама притворяется, будто не слышит и не отвечает «Не за что». Ты выходишь из кухни с забинтованным пальцем.

Эге! Совсем другое дело!

Звонишь к тете Марии на первом этаже. Не успеешь открыть рта, как она уже видит забинтованный палец.

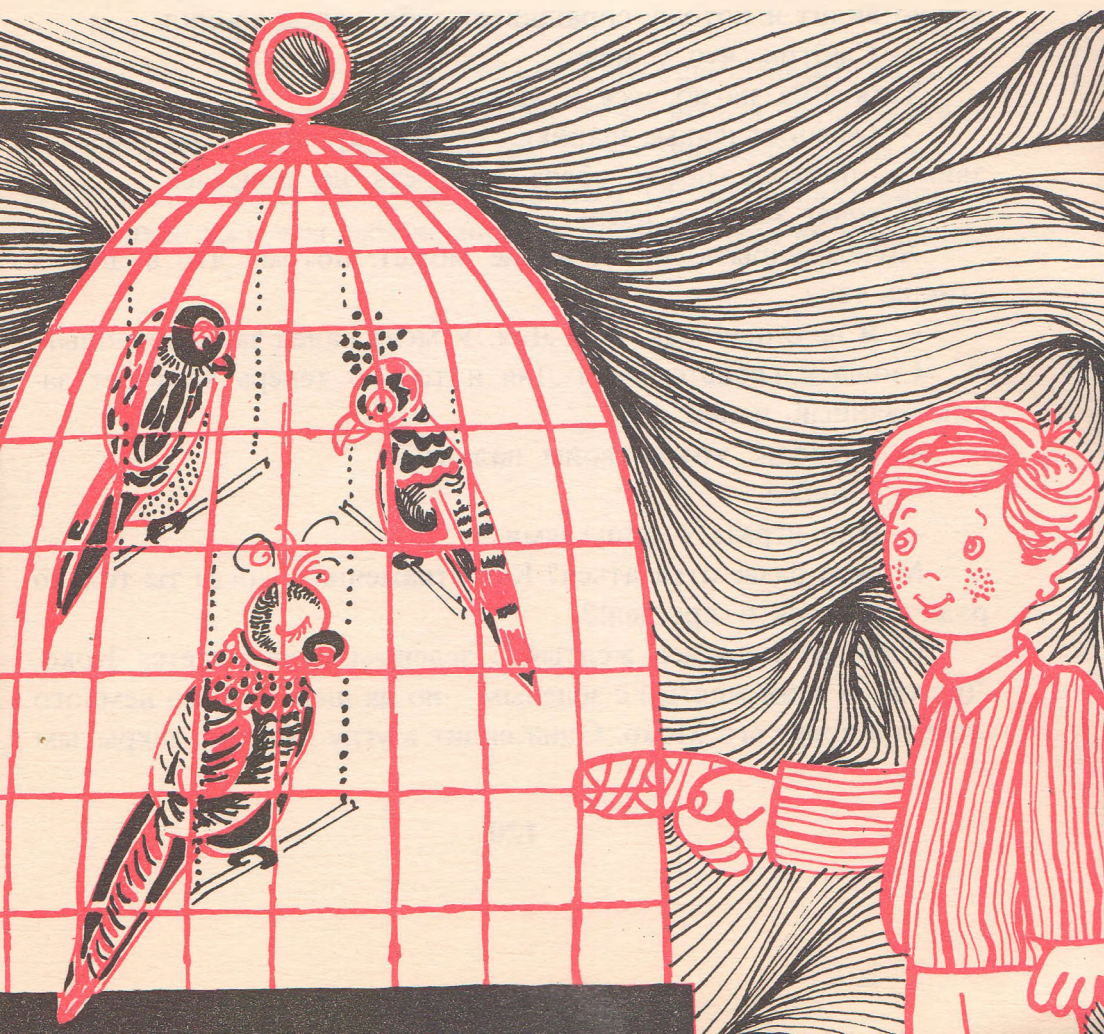
— Господи, что с тобой случилось?

— Ничего.

— Сильно болит?

— Нет.

— Ничего, пройдет. Иди есть вишневое варенье.



Ешь варенье, но как ни держишь забинтованный палец, он все-таки умудряется угодить в блюдо. Впрочем, это ничего. Так даже интереснее.

Выйдя от тети Марии, встречаешь на лестнице дядю Маноле.

— Что у тебя на пальце?

— Бинт.

— Это я вижу. Чем обрезался?

— Я не обрезался.

— Однако я вижу, течет кровь. Просочилась сквозь марлю.

— Это не кровь. Это немного вишневого варенья.

— Ты, помнится, просил у меня какие-то шарики.

— Просил, но ты мне не дал, дядя Маноле.

— Идем, получай свои шарики.

Выходишь от дяди Маноле с горстью шариков и звонишь к тете Лие. Тетя Лия плохо видит, носит очки, но и в очках неважно видит и потому спрашивает тебя, зачем звонил.

— Смотри, что у меня!

Тетя Лия нагибается и видит шарики.

— Очень красивые шарики, — говорит она, — но теперь я занята, приходи после обеда смотреть на попугаев.

И хочет закрыть дверь.

Хочет закрыть дверь, но не может, потому что в дверях стоишь ты.

— Я не о шариках, тетя Лия. У меня палец забинтованный!

Снова нагибается тетя Лия и только теперь замечает забинтованный палец.

— Господи, что с твоим пальцем?

— Ушибся.

— Иди играть с попугаями.

Можно разве отказаться? Как откажешься, когда ты только ради попугаев и пришел!?

Один из попугаев желтый с зеленым и называется Коко. Другой — тоже желтый с зеленым, но на шейке у него немного синего и зовут его Моко. Один сидит в углу клетки с закрытым



глазом; другой клюет яблочную кожицу. Ты пытаешься просунуть забинтованный палец между прутьями клетки, чтобы дотронуться до хвоста Моко, но палец не пролезает. Как хорошо, что у человека десять пальцев! Потом принимаешься учить Коко и Моко говорить. Ищешь слово посмешнее, например, «сельдерей», «калоша» или «рагу» и повторяешь его миллион раз. Коко и Моко выучивают его. Так, по крайней мере, говорит тетя Лия. Попугаи молчат. Учат слова молча. Они никогда не произносят выученных слов.

Потом...

Потом возвращаешься домой и снимаешь повязку. Держать палец вверх больше не хочется. Даже забываешь, что ты его зашиб. Играешь с шариками, думаешь о попугаях и чувствуешь во рту кисло-сладкий вкус вишен.

Это все?

Нет. Словно нет.

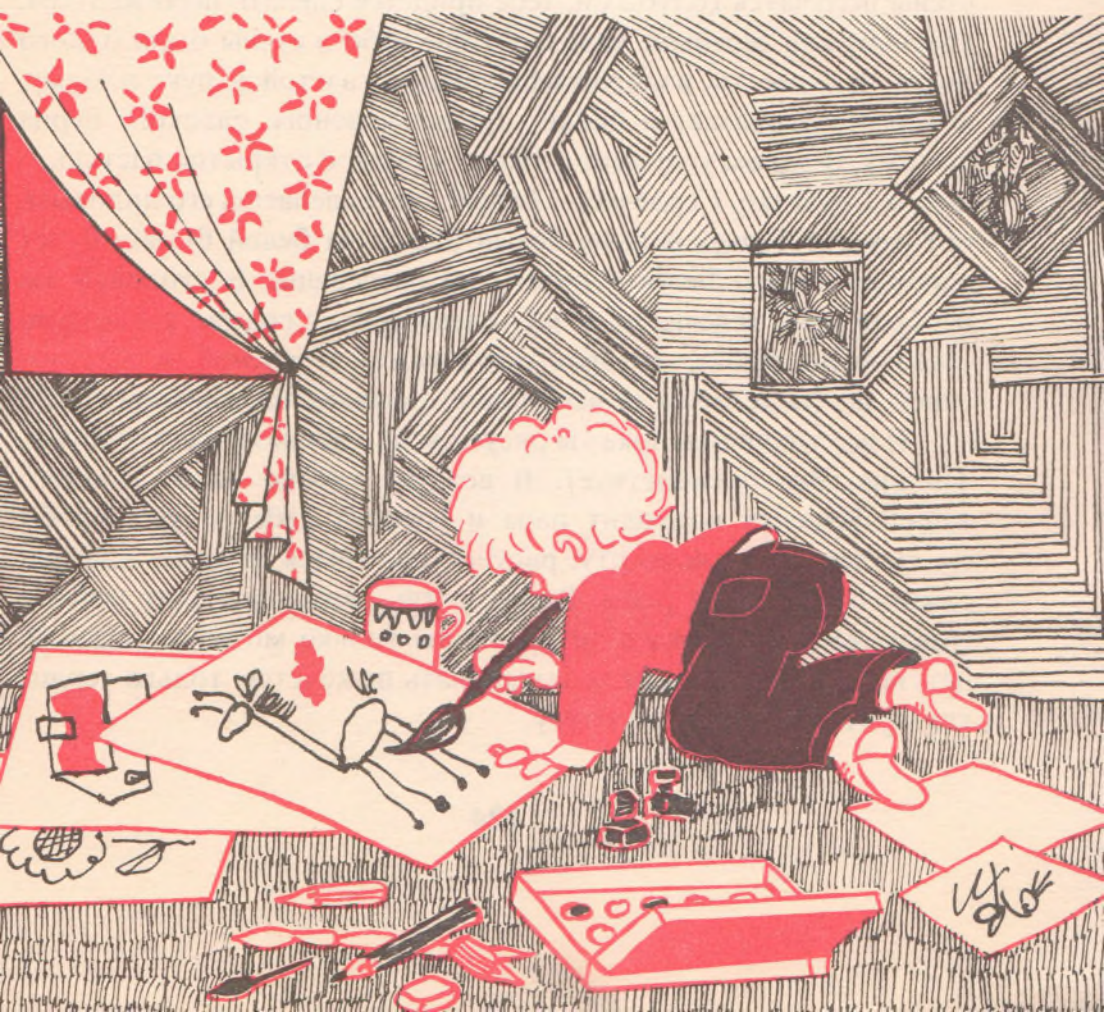
Словно что-то все-таки осталось от ушибленного пальца. Очень трудно сказать. Фактически даже нельзя. Или можно, только по-другому. Например, так: очень тяжело было бы жить одному где-нибудь в избушке среди леса, где поблизости никого нет и никто ни о чем тебя не спросит, ничего у тебя не заметит...

## ШЕСТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Одна девочка говорила, что есть только четыре времени года. Что в школе учат только четыре. Однако у Дуку выходило больше. Во-первых, зима. Холодное время года, со снегом, меховой шапкой, ботиками и все такое. Потом воскресенье. Воскресенье — очень веселое время года, потому что папа с утра не уходит на завод, да и вообще на завод не уходит, а примерно в десять часов берет с собой Дуку «пить пиво». Мама спрашивает: «Вы куда?» «Мы, как мужчины, идем пить пиво!» — отвечает папа. Фактически же они, как мужчины, отправлялись в кино или, как мужчины, пили сироп и ели пирожные в кондитерской, или гуляли — опять-таки, как мужчины. Третьим временем года был папин и мамин отпуск, когда семейство Никореску в полном составе, то есть Никореску-отец, Никореску-мать и, разумеется, он, Никореску Дуку упаковывали чемоданы и садились в поезд, который доставлял их либо на море, либо к дедушке с бабушкой. Потом начиналось четвертое время года — посыпанный сахарной пудрой слоеный пирог, который пекла тетя Матильда, и мама каждый раз при виде тети Матильды, появляющейся с пирогом на большом блюде, которое она держала обеими руками, говорила: «Не стоило беспокоиться, Матильда.



ты же, бедняжка, везешь это блюдо через весь город!» «Сегодня я очень хорошо доехала, — отвечала тетя Матильда. — Мне уступили в трамвае место, и я даже чулок не порвала, когда влезала. Одно удовольствие. Пирог получился первоклассный, уверена, что Дуку ляжет костями за него!» Если отбросить то обстоятельство, что Дуку не понимал двух вещей: во-первых, что значит «ложиться костями» и какое отношение имели кости к нему и к пирогу, а, во-вторых, почему пирог всегда «первоклассный»? Что он, вечно остается в первом классе на второй год, что ли? Почему не переходит в следующий класс? Так вот, отбросив, говорю, это обстоятельство, время года, озаглавленное слоеным пирогом с яблоками, — самое вкусное. Затем



следовало пятое время года — секретное. О нем знали только он, Дуку, и Мария. Ничего не поделаешь, секрет есть секрет. Не будем соваться в чужие дела. Наконец, наступает шестое время года: акварель, краски, которые разводят водой.

Допустим, что найдется человек, который ни разу в жизни не видел коробки с акварелью. Допустим также, что ты, поэтому, чувствуешь себя обязанным рассказать ему, как выглядит такая коробка. Но разве существуют слова, способные описать чудо, которое заключается в коробке с акварельными красками?

По мнению Дуку — нет. Таких слов не существует.

Наливаешь воды в чашечку с нарисованными на ней карликами, открываешь коробку с красками, берешь кисточку и начинаешь малевать ею на любой бумаге, даже исписанной — это не важно.

Первым делом изображаешь дом. Если у тебя, в спешке, стены получатся голубыми, тебе придется сделать небо желтым, красным или зеленым: нельзя, чтобы небо и стены были одного цвета. В доме ты изображаешь папу с газетой в руке и маму, которая укладывает в банки стручки красного сладкого перца на зиму. В одном углу лает — то есть стоит с открытой пастью — щенок Сердечко. Сердечко — белый, но ты делаешь его лиловым, потому что белым нельзя: белый щенок на белой бумаге будет слишком много белого, ничего не разберешь. В столовой ты изображаешь телевизор, а на телевизоре — совсем крохотную стеклянную рыбку, которая днем кажется зеленой, а вечером синей, но ты делаешь ее наполовину зеленой, наполовину синей.

И все это время, пока ты рисуешь, не слышно никакого шума. Тишина. Все безмолствует. В воздухе словно висит какая-то тайна. Изредка подходит папа и говорит тебе на ухо, чтобы ты держал язык во рту: рисунок получится не хуже, если рисовать с закрытым ртом. Редко, очень редко приходит мама и спрашивает, не голоден ли ты, но ты только мотаешь головой: нет, не голоден, пить не хочется, спать не хочется, только сердце как будто бьется по-другому.



Это от акварели. От этой чудесной коробки, которая в один миг превращается во все, что угодно.

Краски требуют постоянной тишины. Чтобы было слышно, как шелком шуршит небесная лазурь или как растет каждая травинка.

И есть еще кое-что. Более прекрасное, чем все остальное вместе: слышать среди этой тишины, как тихонько смеются краски в коробке. Но понять это так трудно, так трудно...

Так же трудно, как для той девочки понять, что времен года не только четыре. И в самом деле, как быть с красками, если бы времен года было только четыре?

## КРАСКА ДЛЯ МЕДУЗ И ДЛЯ МНОГОГО ДРУГОГО

— У меня в кармане каштаны, — сказал Дуку и уже хотел было достать один, чтоб показать, но раздумал и не полез в карман, а сказал вместо этого девочке, которую звали Марией:

— Веришь?

— Чему?

— Что у меня в кармане каштаны.

— Покажешь, поверю, — сказала Мария.

— Так все умеют, — засмеялся Дуку. — Поверь мне, не видя. Можешь?

— Надо подумать.

Мария подумала немного и сказала:

— Могу. Верю, что у тебя в кармане каштаны. Сколько их у тебя?

— Миллион.

— Не много ли?

— Много, но все мне нужны. Я нанижу их на нитку, получатся бусы.

— Дай и мне такие бусы, — попросила Мария.

— Пожалуйста, — сказал Дуку и протянул ей пустую руку. — Получай свои бусы.

— Спасибо, — сказала Мария и, сделав вид, будто она берет



что-то из руки Дуку, надела это нечто себе на шею и застегнула сзади застежку. — Красиво?

— Очень красивые и очень синие бусы, — сказал Дуку.

— Я не знала, что бывают синие каштаны. — сказала Мария.

— Они могут быть какого угодно цвета. Я раз нашел один каштан невиданного на свете цвета. Он не был ни желтый, ни зеленый, ни красный, ни каштановый. У него был цвет без названия.

— Верю. Хочешь придумаем название этому цвету?

— Почему бы и нет?

— Давай назовем его «Дукумария» или «Мариядуку». Безразлично. Это будет наш волшебный цвет. Все выкрашенное в этот цвет будет превращаться во что-то очень красивое. Хочешь?

— Конечно, хочу! — сказал Дуку.

— Тогда давай наполним целое ведро этой нашей краской. Пойду принесу ведро.

— Не надо. Ведро у меня есть.

Он протянул ей пустую руку:

— Вот оно!

— А, это! — сказала Мария. — Я не знала о каком ведре ты говоришь. Кто его наполнит волшебной краской, ты или я?

— Половину ты, половину я. Так будет лучше всего.

Они наполнили полведерка краской Дукумария, а другую половину — краской Мариядуку. Потому что так и не решили, как они будут ее называть. С одной стороны, это было даже лучше. И с другой — тоже.

Потом отправились красить все, что должно было быть выкрашено в их цвет.

Прежде всего — так как это было ближе — они отправились на Северный полюс.

Там они покрасили Дукумарией целый ледник и он сразу превратился в гору мороженого.

— Съедем? — спросила Мария.

— Как бы у тебя живот не заболел, — сказал Дуку. — Может, все-таки попробуем сначала съесть вершину и двух-трех белых медведей, а если увидим, что ничего не случилось, съедем поскорей и немножко из подножия.

— Ладно, — согласилась Мария.

Начали они есть ледник, превратившийся в гору мороженого. Сначала съели немного от вершины, потом каждый съел по белому медведю, внимательно следя за тем, чтобы не проглотить хвоста, но подножие горы даже не тронули — оставили как было. Дуку и Мария были не жадные — только и съели, что вершину да двух замерзших белых медведей, без хвоста.

После этого они уехали в Африку, где было полно слонов, и покрасили в цвет Мариядуку одного слона, который сразу обратился а автобус.

Дуку с Марией сели в автобус и путешествовали в нем повсюду, где хотите и где не хотите. Хотите, — по стране апельсинов и точилок, а не хотите — все равно по той же стране. Так добрались они до Страны пистолетов с водяным зарядом и кукол с синтетическими волосами.

— Давай съездим в Страну футбольных мячей? — предложил Дуку.

— Уже вечер, поздно, — сказала Мария.

— Ладно, — сказал Дуку и остановил автобус.

Когда больше нечего было красить, им пришла в голову странная, очень странная мысль.

Им пришла в голову странная мысль покрасить девочку, которую звали Виолетой и которая как раз вышла из дому. Принялись они красить Виолету — половину в Дукумарию, а другую половину — в Мариядуку. Вертелись вокруг нее и красили, не спеша, потому что ни Дуку, ни Мария не любили халтурить.

— Чего вы все вокруг меня вертитесь? — крикнула им Виолета. — Эй? Слышите? Чего, говорю, вокруг меня вертитесь и руками машете, будто красите что-то?



Но они не отвечали: когда работаешь, нельзя слишком много разговаривать, ничего хорошего не получится. В общем пока не кончили, Дуку и Мария не проронили ни слова, а кончив, усталые, сели на землю.

— Тяжело было, — сказал Дуку.

— Я не думала, что будет так трудно, — сказала Мария.

— Но вышло замечательно!

— Высший класс!

— Что вышло замечательно? — заинтересовалась Виолета. — Что вы еще придумали?

— Мы тебя выкрасили, — в один голос ответили Дуку и Мария.

— Чем? — испугалась Виолета и потянула платье — посмотреть, не испачкали ли его сзади.



— Волшебной краской.

— Не нужна мне ваша краска, — сказала Виолета.

— Не нужна? — спросил Дуку.

— Не нужна? — спросила и Мария.

— Нет, — сказала Виолета. — Пойду наберу каштанов и буду играть.

— Постой, — крикнул ей Дуку. — Я дам тебе каштанов. У меня их полный карман. Веришь?

— Покажешь, поверю, — сказала Виолета.

— Так все умеют, — засмеялся Дуку. — Поверь мне, не видя. Можешь?

— Этого никто не может, — сказала Виолета.

— Никто? — спросила Мария.

— Никто, — сказала Виолета и пошла собирать каштаны.

Собрала штуки три. Потом нашла еще один. Потом ей надоело.

Это произошло, когда Дуку с Марией были на небе и красили облака, чтоб они превратились в воздушные шары.

Впрочем, нет. Вру.

Это произошло, когда Мария с Дуку находились на морском дне и красили медуз.



## БУТЕРБРОДЫ С ЛЕТОМ И ВЕТРОМ

В десять часов никто Дуку не позвал. Некому было его звать. Родителей дома не было. Сначала он собирался было остаться в одиночестве и немного поиграть, но когда другие дети ушли за едой, отправился домой и он.

В буфете на кухне нашелся хлеб. Дуку отрезал себе два ломтика, положил их один на другой и вышел.

В дверях он встретился с Дэнцем. Дэнц держал в одной руке ломтик хлеба, намазанный маслом, а в другой — редиску, половина которой была им откушена.

— Ты ешь пустой хлеб, — заметил Дэнц.

— Ты ничего не понимаешь, — ответил Дуку. — Мы построили домик, а ты на него наступил и разрушил его.

— Ты ешь пустой хлеб, — повторил Дэнц и откусил еще немножко от своей редиски.

— Ты бы лучше играл со своим жестяным слоном, а не разрушал чужие дома, — сказал Дуку.

— А ты чего пустой хлеб ешь? — спросил Дэнц.

— Я уже говорил, что ты ничего не понимаешь. Это не пустой хлеб.

— А что же?

— Это бутерброд.

— С чем?  
— С чем-то.  
— Ты мне не скажешь?  
— Скажу — все равно не поймешь.  
— Скажи.  
— Брось, ешь лучше свою редиску.  
— Ты так говоришь, потому что ешь пустой хлеб.  
— Ты понятия не имеешь, — засмеялся Дуку. — Понятия не имеешь. Я ем бутерброды с летом.

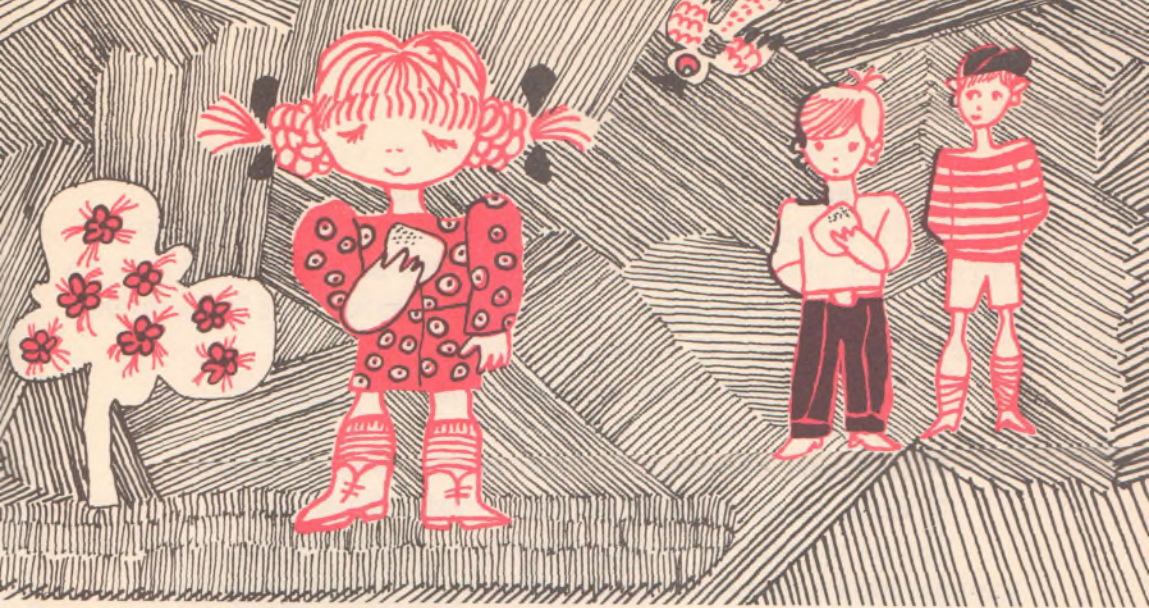
— С чем?  
— С летом. И с ветром!  
— Бутерброды с летом и ветром?  
— Ага.  
— Врунишка. Таких не бывает. Это твоя выдумка.  
— Слушай!.. Сам ты ничего не понимаешь да еще называешь людей врунишками. Смотри, не пожалей.

Тут появилась Анка. У нее тоже был хлеб с маслом, только вместо редиски она принесла помидор.

— Ссоритесь? — спросила мальчиков Анка и обрадовалась.  
— Нет, — сказал Дуку. — Я ем бутерброды с летом и ветром, а он все что-то бубнит.

— Что ты ешь?.. — удивилась Анка.  
— Что слышала.  
— Я плохо расслышала.  
— Бу-тер-бро-ды с ле-том и вет-ром!  
— А какие они?  
— Самые вкусные на свете!  
— Какие?  
— Необыкновенные.  
— Не верь ему, — сказал Дэнуч. — Он ест пустой хлеб.  
— Ладно, — сказал Дуку, — будь по-твоему, только ты не проси, чтоб я тебя угостил. Не дам тебе ни крошки.  
Он с аппетитом откусил от куска хлеба.





Откусил — и в этот миг вокруг стало светлее и ветер пустился в пляс.

— Чудеса! — сказал, облизываясь, Дуку. — Впрочем, вы сами, кажется, видели. Стало светлее и ветер пляшет.

— Все осталось, как было, — сказал Дэнуч.

Дуку пожал плечами и снова принялся за свой бутерброд.

Тогда солнце вдруг перевернулось кувыркoм, а ветер расхохотался. Но беззлобно. По-братски, по-дружески расхохотался — звонким, как колокольчик, добрым смехом.

— Чудеса! — повторил, чмокая, Дуку. — Видели? Правда? Солнце кувырkaется, а ветер над ним смеется. Но беззлобно. По-братски, по-дружески смеется — звонким, как колокольчик, добрым смехом.

— Все осталось, как было, — сказал Дэнуч. — Ты ешь пустой хлеб.

— Молчи, — топнула ногой Анка. — Дуку прав. Ты ничего не понимаешь.

— Да, он мало что понимает, — сказал Дуку и опять откусил от своего бутерброда.

Тогда все увидели, как солнце вдруг стало вверх ногами на руки, а ветер, хлопая в ладоши, завертелся вокруг.

— Ну и чудеса! — опять сказал Дуку, вода во рту языком. — Согласитесь сами. Солнце стоит на руках вверх ногами, а ветер вертится вокруг и хлопает в ладоши. Замечательные бутерброды! С летом и ветром. С ветром и летом.

— Дай мне откусить, — попросил Дэнуц.

— Не давай ему! — крикнула Анка.

— Дай мне откусить, — еще раз попросил Дэнуц.

— Если дашь, я рассержусь, — сказала Анка.

Как их помирить? Дашь одному — обидится другой. Чтобы удовлетворить одного, нужно ничего не давать другому.

Если бы Дуку ел бутерброды с маслом, с ветчиной или с вареньем, все было бы очень просто.

Никто бы не просил. Никто бы не обижался.

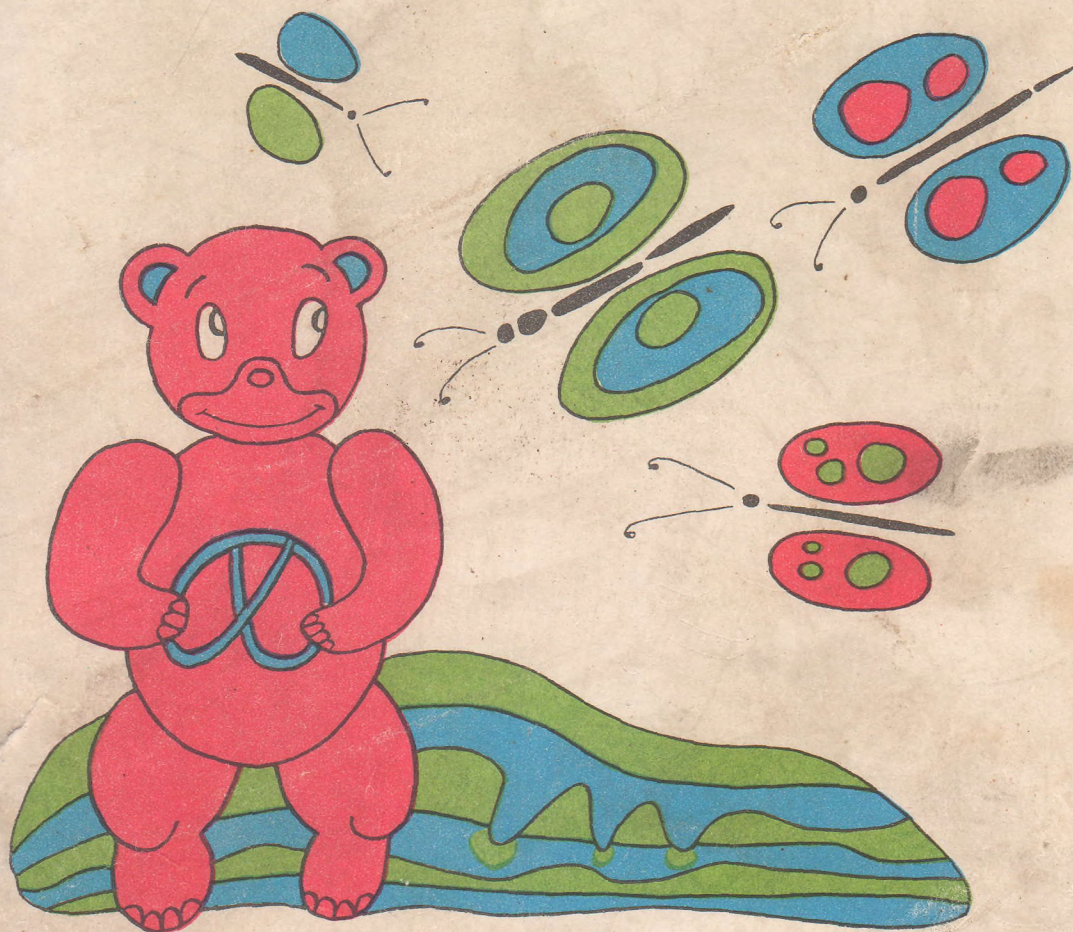
Но он ел бутерброды с летом и ветром. Замечательные, необыкновенные бутерброды! Жаль только, что и у них есть один недостаток. Когда кончается лето, кончаются и бутерброды. А бутерброды с осенью уже не то. Да, совсем не то.



## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Поезд шел в горы . . . . .	5
Своего рода восторг . . . . .	11
Мир Дуку . . . . .	16
Мужчины, зайцы и аспирин . . . . .	21
Давайте всегда думать о чем-нибудь другом . . . . .	27
Генерал и ночь . . . . .	32
Тишина, звезды спят . . . . .	36
Глупый ветер . . . . .	42
Праздник . . . . .	47
Дождь и рассказы о красивом . . . . .	54
Тот день и дядя Костикэ . . . . .	58
День, когда всем бывает семь лет . . . . .	64
Дури . . . . .	70
Лето . . . . .	75
Если он родился крылатым . . . . .	79
У нас, каждый день . . . . .	84
Папа и немного грусти . . . . .	89
Глупая история . . . . .	93
«Покойной ночи, Дуку!». . . . .	97
Час, когда бабушки улыбаются . . . . .	113
Словно что-то все-таки осталось . . . . .	117
Шестое время года . . . . .	122
Краска для медуз и для многого другого . . . . .	126
Бутерброды с летом и ветром . . . . .	131

2503



50 коп

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЙОНА КРЯНГЭ